Дозв. ценз. Спб. 7 января 1891 г.   Тип. тов. „Общ. Польза“   Подъяч., 39.

Конфуцій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

КОНФУЦІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

К. М. Карягина.

Съ портретомъ Конфуція, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1891.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міроведѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. 2 р. 50 к.
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ“). Со многими рисунками 2 тома. Цѣна за оба 2 р.
ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Селоменса. Перев. съ англійс. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмадингена. Ц. 60 к.
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.
ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербругъ. 8 Января 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свѣдѣнія о жизни большинства великихъ людей древнихъ временъ обыкновенно мало достовѣрны. Дѣйствительность и истина въ нихъ такъ тѣсно сплетаются съ легендой и фантазіей, что потребны долгія научныя изысканія, чтобы отдѣлить достовѣрные факты отъ вымысла.

Не то представляютъ собою свѣдѣнія о жизни и ученіи китайскаго мыслителя и реформатора Конфуція. Китайскіе лѣтописцы разсказываютъ жизнь и дѣянія своего великаго учителя безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній и лишь съ небольшой дозой фантастическаго вымысла, когда разсказъ ведется о зачатіи и рожденіи Конфуція; ихъ разсказъ такъ простъ и естественъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія относиться къ нему съ недовѣріемъ. Въ европейской литературѣ существуетъ нѣсколько переводовъ китайскихъ классическихъ писателей на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. При составленіи біографіи Конфуція мы пользовались слѣдующими изданіями:

1) «The Chinese Classics». Полное изданіе священныхъ книгъ Китая. Переводъ *Legge*'а, члена лондонскаго миссіонерскаго общества.

2) «History of Chine» by *Thornton*.

3) «L'Univers. La Chine» par *Pauthier*.

4) «Религіи востока. Конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ». *В. Васильева*.

5) «Религіи древняго міра». Архимандрита *Хрисанфа*.

6) «Религіи востока». Т. I. *Его-же*.

7) «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніяхъ». *О. Іоакинфа Бичурина*.

8) «Исторія религій». Спб. 1869—72, т. II-й.

9) «Современный Китай». *Жюля Симона* и мн. др.

К. К.

ВВЕДЕНІЕ.

Краткій очеркъ исторіи Китая до Конфуція.

I.

Приступая къ изложенію жизни и ученія великаго философа Китая, мы считаемъ необходимымъ предпослать этому изложенію краткій очеркъ исторіи Китая до Конфуція,—чтобы познакомить читателя во первыхъ съ эпохой, когда жилъ и дѣйствовалъ великій учитель Китая и, во вторыхъ,—съ предшествовавшимъ этой эпохѣ историческимъ періодомъ, когда жили мудрецы, у которыхъ Конфуцій заимствовалъ основы и принципы своего ученія.

Китайская народность, представляющая собой загадочное и своеобразное явленіе въ исторіи, является старѣйшей изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время народностей, пережившей всѣ другіе народы, память о которыхъ сохранила намъ исторія и которые или исчезли безъ слѣда, оставивъ по себѣ только памятники, свидѣтельствующіе о ихъ минувшемъ величіи, или же настолько измѣнились, что потеряли свой первобытный типъ. Между тѣмъ китайцы остались точно такими же, какими они были цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ. Уже въ глубокой древности они представляютъ собой одинъ изъ образованныхъ и культурныхъ народовъ, но достигнувъ извѣстной степени цивилизаціи, остановились на ней и до сего времени сохранили ее почти безъ измѣненія такой, какова она была 3000 лѣтъ тому назадъ. Уже въ глубокой древности они считались такими же отличными хлѣбопашцами, какими являются въ настоящее время. Земледѣліе стояло у нихъ на высокой степени развитія. Они были хорошо знакомы съ свойствами разнаго рода почвъ и ихъ удобреніемъ и орошеніемъ. Они съ успѣхомъ садили тутовыя деревья и добывали шелкъ, умѣли ткать шерстяныя и бумажныя матеріи и производить разнаго рода домашнія и военныя орудія, чеканили монету, добывали краски, тушь, умѣли выдѣлывать разнаго рода вещицы изъ рога и слоновой кости; однимъ словомъ, въ механическомъ трудѣ обладали той же степенью совершенства, какой отличаются и теперь.

Пластическія искусства имъ были также не безъизвѣстны, но въ нихъ они далѣе первыхъ началъ не пошли—ихъ разсудочной и сухой натурѣ чуждъ идеалъ красоты. У нихъ были и произведенія живописи и произведенія скульптуры, но какъ тѣ, такъ и другія отличались свойственными имъ и въ настоящее время мелочностью и причудливостью въ послѣднихъ, и необыкновенной яркостью красокъ и кропотливостью въ первыхъ. Ихъ архитектурныя произведенія также не показывали особенной широты воображенія, хотя и отличались своеобразностью, какъ вообще все у китайцевъ. Большая часть зданій строилась изъ бамбука на каменномъ фундаментѣ, храмы ихъ собственно были небольшія часовни или просто большіе дворы, окруженные колоннами, въ концѣ которыхъ помѣщался обыкновенно алтарь для жертвоприношеній.

Въ глубокой же древности ими были выработаны и религіозныя воззрѣнія, очень темныя, сбивчивыя и неопредѣленныя. Сущность этихъ воззрѣній такова:—они поклонялись небу и землѣ, какъ отцу и матери всего существующаго. Небо они считали повелителемъ и владыкой міра, землю—повелительницей; такимъ образомъ небо у нихъ считалось мужескимъ началомъ, Янъ, активнымъ и совершеннымъ движителемъ бытія и жизни, земля же — женскимъ, Инь, началомъ мертвымъ, бездѣятельнымъ и неподвижнымъ. Всѣ совершенныя явленія китайцы принимали за Янъ, а несовершенныя за Инь; но тѣмъ не менѣе Янъ въ ихъ представленіи постоянно соединяется съ Инь, какъ отецъ и мать въ представленіи о рожденіи. Вмѣстѣ съ поклоненіемъ небу и землѣ они почитали духовъ или демоновъ въ качествѣ представителей отдѣльныхъ силъ и явленій природы и поклонялись душамъ предковъ, на которыхъ смотрѣли, какъ на покровителей живыхъ; по ихъ понятіямъ, души умершихъ предковъ могли давать имъ мудрые совѣты или же преслѣдовать ихъ своимъ гнѣвомъ. Въ честь неба и земли, а также духовъ и предковъ, были учреждены различные праздники и приносились жертвы; во время жертвоприношеній играла музыка и пѣлись стихи.

Послѣдніе показываютъ, что у китайцевъ въ тѣ времена были и литературныя произведенія. Дѣйствительно, письмена были

изобрѣтены въ Китаѣ въ отдаленной древности и первоначально состояли изъ простыхъ изображенiй упоминаемыхъ предметовъ, а впослѣдствiи введены значки, состоявшiе изъ трехъ линiй—одной длинной и двухъ короткихъ—и ихъ разнообразныхъ комбинацiй. Этими-то значками и были написаны древнiя книги китайцевъ. Научныя знанiя стояли у нихъ до временъ Конфуцiя также на довольно высокой степени развитiя.

Въ давнiя времена имъ было уже извѣстно употребленiе магнитной стрѣлки или компаса, они знали законы движенiя небесныхъ тѣлъ и умѣли предсказывать затменiя солнца и луны. Благодаря этимъ астрономическимъ знанiямъ у нихъ съиздавна было установлено правильное времяисчисленiе. Съ давнихъ поръ въ Китаѣ стали считать въ году 366 дней, а для уравненiя скоростей въ движенiи солнца и луны былъ установленъ высокосный годъ; поэтому въ Китаѣ изъ каждыхъ 19 лѣтъ двѣнадцать имѣютъ по 12 мѣсяцевъ и семь—по 13-ти. Вообще естественныя и математическiя знанiя у нихъ достигли довольно высокой степени развитiя. Медицина имъ также была знакома и ихъ медики были довольно искусны въ своемъ дѣлѣ. Между китайцами и до сихъ поръ существуетъ убѣжденiе, что, если небо посылаетъ болѣзни, то оно же даетъ и средства противъ нихъ. Наконецъ, у нихъ существовали для воспитанiя юношества школы. Однимъ словомъ, въ тѣ времена китайцы были тѣ-же и у нихъ существовали то-же что и теперь, лишь съ небольшими измѣненiями. Даже нравственный складъ ихъ остался тотъ же: и въ тѣ времена они отличались вѣжливостью, кротостью, терпѣнiемъ, необыкновеннымъ трудолюбiемъ съ одной стороны, и хитростью, коварствомъ, надменностью и корыстолюбiемъ—съ другой, за исключенiемъ развѣ нетерпимости и замкнутости—чертъ, развившихся у нихъ уже послѣ Конфуцiя.

По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно судить, что въ древности китайцы охотно принимали у себя чужеземцевъ и заимствовали у нихъ многое полезное для себя. Весьма вѣроятно, что эти чужеземцы, которыхъ правители Китая охотно брали въ свои помощники, и развили въ Китаѣ тѣ культурныя начала, какiя мы видимъ тамъ и по-нынѣ.

II.

Культурныя начала, краткій очеркъ которыхъ мы дали въ предыдущей главѣ, были выработаны китайцами при мудромъ и мирномъ правленіи ихъ первыхъ богдыхановъ. Правленіе у китайцевъ того времени, какъ и у современныхъ, было монархическое, патріархальное. Въ основѣ социальнаго строя стояла семья, съ отцомъ во главѣ; въ политическомъ бытѣ народъ составлялъ одну семью, отцомъ которой считался богдыханъ и, какъ въ семьѣ члены ея безпрекословно подчинялись главарю, такъ и народъ глубоко чтилъ своихъ правителей, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на божество. Богдыханъ былъ сынъ неба и его личность считалась священной и неприкосновенной, впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ своими дѣлами соотвѣтствовалъ назначенію свыше. Въ противномъ случаѣ само небо давало право народу выражать свой протестъ и неудовольствіе и даже прибѣгать къ насилію. Въ древнихъ книгахъ Китая говорится: «взглядъ неба можно узнать во взглядахъ народа; что не нравится небу, можно узнать въ желаньяхъ народа». По воззрѣніямъ китайцевъ, государь—сосудъ, народъ—вода. Какую форму имѣетъ сосудъ, такую форму приметъ и вода; каковъ государь, таковъ и народъ. Вслѣдствіе этого воззрѣнія древніе законодатели подчинили поведеніе государя извѣстному общественному порядку, переступить который онъ не могъ, не прогнѣвивъ своего отца—небо. Древніе китайскіе мудрецы говорили, что добродѣтель должна быть основою правительства и что государь можетъ быть дѣйствительнымъ благодѣтелемъ народа, если будетъ заботиться о доставленіи ему слѣдующихъ девяти благъ: воды, огня, металловъ, дерева, хлѣба, умѣнья употреблять эти вещества на пользу, жить съ согласіи съ ближними, сохранять здоровье и беречь жизнь. Судя по китайскимъ лѣтописямъ, первые государи Китая, которые являются уже вполнѣ историческими лицами, а не героями миѳовъ, Фуси-шы, Хоанъ-ти, Яо, Ю, Шунъ и большинство богдыхановъ изъ династіи Ся (2205-1766) и Шунь (1766-1122) были именно

такими царями-благодѣтелями, и народъ при ихъ царствованіи былъ вполнѣ счастливъ. Мы разскажемъ о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мудрыхъ богдыхановъ.

Первымъ богдыханомъ, еще полумиѳической личностью, лѣтописи называютъ мудраго Фу-си-шы. Онъ царствовалъ за 3468 л. до Р. Х. Ему приписывается установленіе религіозныхъ обрядовъ, изобрѣтеніе письменныхъ знаковъ и 60 лѣтняго цикла. Онъ далъ первоначальное устройство гражданской жизни. Желая внушить къ изданнымъ законамъ большее довѣріе, Фуси-шы сказалъ, что онъ списалъ ихъ со спины дракона, явившагося ему изъ глубокаго озера. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что его законы даны божествомъ, а потому и неповиновеніе имъ есть грѣхъ предъ божествомъ. Ему же приписывается изобрѣтеніе двухъ музыкальныхъ инструментовъ *кинъ*, родъ 27 струнной лиры, и *све*—гитара о 36 струнахъ. Письменный памятникъ его называется *И-Кингъ*—книга превращеній; въ ней излагается начало и происхожденіе всего видимаго и превращенія существъ животнаго и растительнаго царствъ сообразно съ временами года. За Фуси-шы послѣ нѣсколькихъ богдыхановъ вступилъ на престолъ воинственный Хоанъ-ти, при которомъ былъ изобрѣтенъ компасъ. Китайскія лѣтописи говорятъ, что онъ съ успѣхомъ пользовался имъ во время своихъ походовъ. При немъ государство было раздѣлено на 10 областей и введена децимальная система вѣса и мѣры. Ввиду военныхъ цѣлей, а также и торговыхъ, онъ повсюду въ государствѣ провелъ дороги и улучшилъ способы водянаго сообщенія. Для поднятія нравственнаго уровня народа онъ учредилъ жертвоприношенія Всевышнему духу.

Послѣ Хоанъ-ти наиболѣе знаменитымъ богдыханомъ является Яо, правившій за 2350 л. до Р. Х. Съ Яо исторія Китая дѣлается вполнѣ достовѣрной. Яо далъ окончательное устройство гражданской жизни. При немъ было устоновленно правильное времяисчисленіе. Яо были изданы первые писанные уголовные законы. Эти законы опредѣляли клейменіе лица, рѣзаніе ногъ, рукъ, оскопленіе, смерть за тяжкія преступленія: за важныя, по заслуживающія снисхожденіе, — ссылку; за

легкія—плеть. Принималось также во вниманіе, обдуманно или необдуманно совершено преступленіе и сообразно этому опредѣлялось наказаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, преступникомъ являлся одинъ сынъ престарѣлой матери, его оставляли безъ наказанія. Еще при жизни, Яо выбралъ себѣ въ преемники Шуна и сдѣлалъ его своимъ соправителемъ.

Шунъ и Яо думали, что само небо управляетъ народами въ лицѣ государей и что государь есть истинный намѣстникъ неба. Полагая, что между небомъ и землей есть таинственная связь, они старались составить гражданскіе законы по образцу небесныхъ. Эти государи были образцами добродѣтелей для своихъ подданныхъ. Они думали, что счастье и благосостояніе народа зависитъ отъ него самого, т. е. отъ его доброй нравственности. Добрая же нравственность народа, по ихъ мнѣнію, зависѣла не отъ законовъ, а отъ примѣра, какой имъ давала высшая власть т. е. государь и его чиновники. Они думали, что народъ болѣе склоненъ слѣдовать тому, что высшіе любятъ, а не тому, что они предписываютъ. Кромѣ того они сознавали, что добрую нравственность въ народѣ можетъ упрочить просвѣщеніе; поэтому они старались улучшить воспитаніе юношества и усовершенствовать школьное ученіе. Когда Яо умеръ, былъ назначенъ трехгодичный трауръ для всего народа. Шунъ, его пріемникъ, значительно смягчилъ уголовные законы и изъ практиковавшихся каръ сохранилъ только наказаніе палкой, конфискацію имущества и изгнаніе.

Подобно Яо онъ избралъ себѣ въ соправители даровитаго юношу Ю. Во время ихъ совмѣстнаго правленія (въ 2297 г. и слѣд.) въ Китаѣ было большое наводненіе отъ безпрерывно-лившихся дождей, обратившихъ всю страну въ одно сплошное болото. Впродолженіе 20 лѣтъ правители и народъ старались осушить почву, что имъ и удалось наконецъ.

По мѣрѣ осушенія страны, Ю тщательно изучалъ почвенныя условія и произведенія мѣстности и въ то же время отводилъ землю подъ хлѣбопашество, дѣля ее на участки. Затѣмъ поля онъ перерѣзалъ различной длины каналами, которые

служили во время наводненія, для стока водъ, а въ засуху для орошенія. Участки давались смотря по качеству почвы отъ 100 до 300 му (му=1210 англ. фут.) и были обложены поземельной податью, состоявшею изъ $1/_{10}$ части урожая. Послѣ Ю слѣдовалъ цѣлый рядъ мудрыхъ правителей изъ династій Ся и Шань. При нихъ вводились постепенно разнаго рода законы, имѣвшіе своею цѣлью благосостояніе гражданъ. Наибольшое вниманіе обращалось на сельское хозяйство, въ преуспѣяніи котораго было заинтересовано и правительство; но, надо замѣтить, что оно имѣло ввиду, кромѣ уравненія налога и земскихъ повинностей, отвратить чрезмѣрное накопленіе богатства у однихъ и бѣдность у другихъ, а также чтобы земледѣльцы не предавались лѣности и праздности. Вслѣдствіе этого всѣ полевыя работы производились подъ непосредственнымъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ. Правительство указывало сроки паханія земли и время посѣва и уборки; оно же издавало правила, какъ и чѣмъ удобрять землю.

Для удовлетворенія нуждъ народа въ случаѣ неурожая, правительствомъ были учреждены запасные хлѣбные магазины, куда поступала четвертая часть трехлѣтняго государственнаго дохода. Хлѣбъ сохраняли отъ порчи, давая его въ ссуду земледѣльцамъ, нуждавшимся въ зернахъ для посѣва. Осенью при сборѣ жатвы ссуды возвращались обратно въ казну. Во время же неурожая хлѣбъ раздавался безъ возврата.

Благодаря этимъ благоразумнымъ мѣрамъ, благосостояніе народа находилось въ цвѣтущемъ положеніи. Народъ спокойно и мирно жилъ при мудромъ и кроткомъ управленіи. Государство за это время окрѣпло и расширило свои предѣлы. При послѣднихъ богдыханахъ изъ династіи Шань, которая съ 1401 г. до Р. Х. приняла наименованіе Инь, въ Китаѣ насчитывалось 24 вассальныхъ княжествъ, находившихся въ сюзеренной зависимости отъ богдыхана. Но затѣмъ въ исторіи Китая наступаетъ кризисъ.

III.

Послѣдній богдыханъ изъ династіи Инь отличался жестокимъ и деспотическимъ характеромъ. Ни князья, ни народъ не любили его, и этимъ воспользовался могущественный и храбрый правитель княжества Чжеу. Онъ возсталъ противъ тирана и лишилъ его престола. Вступивъ на престолъ богдыхана, онъ, боясь за неприкосновенность своей власти и чтобы усилить ее и умножить число приверженныхъ ему людей, роздалъ массу областей въ вассальное владѣніе своимъ близкимъ людямъ, родственникамъ и друзьямъ, и умножилъ такимъ образомъ число княжествъ до 156. Это-то и послужило причиной смутъ, цѣлыя столѣтія потрясавшихъ государство и особенно усилившихся въ эпоху, предшествовавшую рожденію Конфуція, которая представляетъ туже историческую картину, какую мы видимъ въ средніе вѣка въ феодальной Европѣ или въ удѣльный періодъ исторіи Россіи. Китайской имперіи въ эту эпоху пришлось пережить цѣлый рядъ неурядицъ, смутъ и междоусобій, долгой ожесточенной борьбы съ варварскими пограничными народами. Раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, признававшихъ только номинально зависимость отъ богдыхана, имперія повидимому находилась на краю гибели. Каждое изъ этихъ владѣній желало усилиться и расширить свои предѣлы на счетъ сосѣднихъ областей и являлось такимъ образомъ разсадникомъ распрей и междоусобныхъ войнъ. Вся китайская исторія того времени переполнена разсказами о братоубійственныхъ войнахъ, коварныхъ интригахъ, измѣнахъ и возмущеніяхъ противъ богдыхана. Выработанныя культурныя начала стали забываться и приходить въ упадокъ. Религія находилась въ презрѣніи, законы бездѣйствовали, сильные притѣсняли слабыхъ, крупные землевладѣльцы отнимали земли у мелкихъ собственниковъ и оставляли ихъ безъ клочка земли. Послѣдніе умножали собою безчисленныя толпы бродягъ и нищихъ, непризнававшихъ никакой власти и законовъ.

Возникли невѣдомые до сихъ поръ воровство и грабежи,

всею тяжестью падавшіе на тотъ же народъ, который безъ того уже страдалъ подъ игомъ безпрестанныхъ войнъ и долженъ былъ доставлять средства на содержаніе безчисленныхъ армій. Въ исторіи Китая указывается, что эти арміи иногда состояли изъ сотенъ тысячъ человѣкъ. Народу же приходилось строить крѣпости и нести остальныя тяжелыя работы, вызываемыя потребностями военнаго времени, доставлять средства князьямъ и вельможамъ на постройку дворцовъ, украшенія колесницъ драгоцѣнными камнями и на различныя пиршества и празднества. Конечно, вся такая неурядица вызывала ропотъ даже этого извѣстнаго своимъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ народа. Отголоски его ропота дошли до насъ, сохранившись въ безъискусственныхъ народныхъ пѣсняхъ того времени. Подавляемый массой поборовъ и налоговъ и непосильнымъ трудомъ, народъ былъ близокъ къ возврату въ первобытное состояніе варварства. Должна была наступить пора преобразованій. Надо было водворить въ государствѣ порядокъ и призвать народъ къ новой жизни. При безначаліи и нравственной и политической распущенности, господствовавшей въ Китаѣ въ эту эпоху, должны были наконецъ явиться преобразователи нравовъ, здравый голосъ которыхъ указалъ бы народу и правителямъ путь къ истинѣ, призвавъ бы ихъ къ повиновенію законамъ.

И дѣйствительно, въ это время стали появляться люди, стремившіеся тѣмъ или инымъ путемъ внести покой и миръ въ государство, люди, сознававшіе всю необходимость его объединенія.

Среди нихъ были и полководцы, мечтавшіе достигнуть завѣтной цѣли силою оружія, и политики, старавшіеся путемъ дипломатическихъ уловокъ и переговоровъ достичь того-же (дипломатія и въ то время имѣла большое значеніе, какъ это видно изъ существовавшаго тогда выраженія: «трехдюймовый язычекъ стоитъ стотысячной арміи), и наконецъ философы. Послѣдніе видѣли спасеніе страны въ установленіи и улучшеніи нравственнаго и религіознаго быта народа, въ введеніи строгаго порядка, основаннаго на правильныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ и въ предложеніи цѣлаго

ряда мѣръ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа, улучшенія его сельскаго хозяйства и промышленности.

Изъ этихъ философовъ наиболѣе извѣстны Лао-цзы, Конфуцій и Менцій, ученикъ Конфуція.

Лао-цзы былъ основателемъ существующей и понынѣ въ Китаѣ религіи даосистовъ. Эта религія основана на древнемъ, принадлежащемъ востоку Азіи міросозерцаніи, по которому коренной причиной всего существующаго признается высшее вѣчное духовное существо, а человѣческія души — изліяніемъ (эманаціей) этого существа. Сообразно этому Лао проповѣдовалъ метампсихозисъ — вѣрованіе, что душа, незапятнанная грѣхами, возвращается къ своему божественному началу, тогда какъ грѣхи осуждаютъ ее на пребываніе въ другихъ тѣлахъ животнаго міра. Во имя этой идеи Лао проповѣдывалъ также презрѣніе къ внѣшности, подавленіе вожделѣній и страстей и превозглашалъ пріобрѣтенное этимъ путемъ душевное спокойствіе величайшимъ благомъ.

Это ученіе, заимствованное по всей вѣроятности Лао-цзы у индусовъ, существуетъ, какъ мы сказали, въ Китаѣ и понынѣ; оно распространено главнымъ образомъ среди черни, но не пріобрѣло того успѣха, какой выпалъ на долю другого знаменитаго китайскаго философа Конфуція, къ описанію жизни и ученія котораго мы сейчасъ перейдемъ.

ГЛАВА I.

Генеалогія Конфуція. —Его рожденіе, дѣтство и юность.—Поступленіе на службу.—Служебные успѣхи.

Китайскіе лѣтописцы ведутъ генеалогію своего реформатора отъ полумиѳическаго богдыхана Хоанъ-ти, изобрѣтателя цикла и компаса, царствовавшаго за 2637 лѣтъ до Р. Х.[1]. По ихъ словамъ, большая часть предковъ Конфуція отличалась выдающимися способностями и занимала важные административные, военные и гражданскіе посты въ государствѣ. На одного изъ этихъ предковъ, жившаго въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х., указываютъ между прочимъ, какъ на большого любителя и знатока старинныхъ обычаевъ и древней исторіи,—наслѣдственная черта, перешедшая впослѣдствіи къ Конфуцію. Объ отцѣ Конфуція, котораго звали Шу-ліан-хо, лѣтописи повѣствуютъ слѣдующее: Хо служилъ въ военной службѣ и отличался необыкновеннымъ ростомъ, силою и удивительною храбростью, о которой разсказываются цѣлыя чудеса. Онъ былъ назначенъ правителемъ третьестепеннаго городка Чеу (нынѣшній Чеу-хіенъ), находившагося въ вассальномъ княжествѣ Лу. Хо имѣлъ двухъ женъ; отъ первой или главной жены у Хо было девять дочерей, а отъ второй—слабый, вскорѣ умершій сынъ, по имени Ман-пи. Хо желалъ имѣть послѣ себя наслѣдника; поэтому онъ, когда главная жена его умерла, рѣшилъ жениться вторично, не смотря на свой преклонный возрастъ—ему было 70 лѣтъ. Послѣ долгихъ колебаній выборъ его палъ на извѣстное въ городѣ семейство Іенъ.

[1]) Въ Китаѣ, гдѣ знатное происхожденіе имѣетъ весьма важное значеніе, мудрецъ не могъ произойти отъ незначительныхъ родителей. (*Хрисановъ*).

въ которомъ было три сестры. Отецъ молодыхъ дѣвушекъ, хотя и очень желалъ породниться съ Шу-ліан-хо, но не принуждалъ своихъ дочерей къ этому неравному браку. Призвавъ ихъ къ себѣ, онъ передалъ имъ предложеніе Хо и, указавъ на знатное происхожденіе жениха и на то, что Хо, не смотря на старость, обладаетъ необыкновенною силою и храбростью и занимаетъ важный постъ градоправителя, сказалъ:

— Мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобъ предложеніе Хо было принято! Кто изъ васъ желаетъ быть его женою?

Двѣ старшія дочери промолчали, младшая-же, по имени Чингтси, отвѣчала:

— Зачѣмъ вы спрашиваете насъ? Не въ вашей-ли волѣ рѣшить это!

Тогда отецъ предложилъ ей выйти замужъ за Хо. Чингтси согласилась. Чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ, будущій законодатель Китая. Разсказывая о жизни и дѣяніяхъ Конфуція, китайскія лѣтописи не приписываютъ ему ничего чудеснаго и легендарнаго, за исключеніемъ одного періода, именно рожденія Конфуція— здѣсь фантастическій элементъ выступаетъ на сцену. Самое зачатіе, періодъ беременности и наконецъ рожденіе мудреца сопровождаются разнаго рода чудесными явленіями. Легенды повѣствуютъ, что вскорѣ послѣ свадьбы молодая жена, боясь, что у нея вслѣдствіе старости мужа не будетъ ребенка, упросила своего супруга съѣздить съ нею на холмъ Ни-кіеу. Здѣсь она обратилась съ жаркою молитвою къ верховному существу Шангъ-ти. Просьба ея была услышана и она зачала сына. Когда она спускалась съ холма, деревья и травы склонились предъ нею. Въ саду, принадлежавшемъ Шу-ліангхо, явилось чудовище Ки-линь, явленіе котораго всегда предвѣщало какое-нибудь великое событіе. Это чудовище выбросило изъ желудка яшмовый камень. На камнѣ были начертаны слѣдующія слова: «когда династія Чжеу будетъ клониться къ упадку, родится младенецъ, чистый, какъ кристальная вода; онъ будетъ царемъ безъ царства». Во время беременности Чинг-тси увидала во снѣ чернаго Ти, кото-

рый сказалъ ей, что она родитъ сына у дуплистаго тутоваго дерева. Чинг-тси, при приближеніи родовъ, спросила у мужа, гдѣ находится такое дерево. Тотъ указалъ ей это мѣсто. Тогда Чинг-тси пожелала отправиться туда. Шу-ліанг-хо былъ сильно пораженъ этимъ желаніемъ, но узнавъ о ея снѣ, согласился и приказалъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія. Въ ночь, когда родился младенецъ, надъ холмомъ все время парили въ воздухѣ два дракона и стерегли холмъ справа и слѣва, въ небесахъ раздавались упоительно гармоническіе звуки и голоса незримыхъ духовъ пѣли: «небеса трепещутъ отъ радости при рожденіи святого сына!» Когда младенецъ явился на свѣтъ, изъ земли сталъ бить ключъ чистой теплой воды и исчезъ, какъ только младенецъ былъ омытъ. Самъ новорожденный обладалъ необыкновенной, даже чудовищной наружностью,—напримѣръ, ротъ его былъ подобенъ озеру, губы какъ у быка, спина какъ у дракона и т. д. Лѣтописцы конечно придавали этимъ признакамъ аллегорическое значеніе. Но оставимъ легендарныя сказанія и перейдемъ къ фактическимъ даннымъ.

Подлинная біографія Конфуція составлена очень тщательно его учениками. Она обилуетъ многими любопытными фактами, знакомящими насъ какъ съ личностью самого китайскаго философа, такъ и съ нравами и обычаями его эпохи.

Китайскія хронологическія таблицы указываютъ рожденіе Конфуція на 21 день 10 мѣсяца 20 года царствованія богдыхана Лингъ-Ванга (мудраго царя), т. е. въ 551 г. до Р. Х. При рожденіи Конфуцію было дано имя Кіеу-холмъ, въ знакъ памяти о холмѣ, на которомъ молилась его мать. Свѣдѣнія о дѣтскомъ періодѣ жизни Конфуція очень скудны. Извѣстно, что на третьемъ году жизни онъ лишился отца, отличался необыкновеннымъ послушаніемъ матери, почтительностью къ старшимъ, былъ тихъ, степененъ и разсудителенъ не по возрасту, и что его любимыми дѣтскими забавами были игра въ церемоніи и жертвоприношенія. Разсказываютъ, что онъ часто собиралъ своихъ сверстниковъ и продѣлывалъ съ ними все то, что онъ замѣчалъ за старшими,

когда они привѣтствовали кого-либо по всѣмъ правиламъ церемоніи, или раскладывалъ въ порядкѣ на столѣ все, что попадалось ему подъ руку, какъ-бы принося жертвы предкамъ, потомъ падалъ ницъ и, ударяя головой объ землю, продѣлывалъ всѣ церемоніи, принятыя въ подобныхъ случаяхъ. Въ этихъ дѣтскихъ забавахъ рано сказался будущій Конфуцій, страстный приверженецъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ.

О школьномъ воспитаніи Конфуція также не сохранилось вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Существуетъ преданіе, что когда Кіеу исполнилось семь лѣтъ, его мать до того времени сама занимавшаяся воспитаніемъ сына, хотѣла найти ему учителя, но будучи еще очень молодой, не рѣшилась взять къ себѣ кого-либо въ домъ и отдала Кіеу въ общественное училище. Общественныя школы были учреждены въ Китаѣ еще при его первыхъ государяхъ, которые сознавали, что добрую нравственность въ народѣ можетъ упрочить только просвѣщеніе, и вслѣдствіе этого старались улучшить воспитаніе юношества и усовершенствовать школьное ученіе. При нихъ и особенно при послѣдующихъ багдыханахъ стали учреждать училища во всѣхъ городахъ и даже въ деревняхъ. Въ этихъ училищахъ давалось воспитаніе всему юношеству безъ различія званій. Каждый ребенокъ, достигшій восьми лѣтъ, могъ поступить сначала въ низшее училище, гдѣ ему прежде всего преподавали правила вѣжливости, затѣмъ обучали обрядамъ, музыкѣ, стрѣлянію изъ лука, возничеству и счисленію. По достиженіи 15 лѣтъ болѣе даровитые, кто бы они ни были, сыновья ли богдыхана или сыновья крестьянина, поступали въ высшее училище, гдѣ имъ преподавали нравственную философію. Надо прибавить, что въ этихъ училищахъ воспитаніе мало развивало самостоятельное мышленіе, а сводилось главнымъ образомъ къ заучиванію на память нравственныхъ сентенцій и свѣдѣній, завѣщанныхъ предками. Въ такую школу поступилъ и Конфуцій, гдѣ его стали звать Чунг-ни. Вскорѣ Чунг-ни затмилъ всѣхъ сотоварищей своимъ прилежаніемъ, кротостью, скромностью и успѣхами въ ученіи. На 17-мъ году онъ былъ назначенъ помощникомъ своего учителя, извѣстнаго ученаго Пинг-Чунга.

который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и градоправителемъ того города, гдѣ жили Конфуцій и его мать. Молодой Чунг-ни, исполняя свою обязанность репетитора, старался по возможности не задѣвать самолюбія товарищей и возбуждалъ ихъ рвеніе скорѣе собственнымъ поведеніемъ, чѣмъ наставленіями. Все время своего пребыванія въ училищѣ онъ занимался съ неустаннымъ прилежаніемъ, изучая сочиненія древнихъ авторовъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на развитіе его ума и сердца. Вообще Конфуцію удалось пріобрѣсти въ молодые годы много разнообразныхъ свѣдѣній, обиліе которыхъ впослѣдствіи поражало и удивляло его слушателей.

По окончаніи своего образованія, Конфуцій, уступая желанію матери, поступилъ на государственную службу. Ему было дано невидное мѣсто торговаго пристава, обязанность котораго состояла въ надзорѣ за свѣжестью припасовъ на рынкахъ и въ лавкахъ. Занявъ эту скромную должность, Конфуцій вовсе не считалъ себя униженнымъ или обезчещеннымъ, не смотря на то, что происходилъ изъ знатнаго рода, и не старался уклониться отъ возложенныхъ на него обязанностей, но напротивъ тщательно и добросовѣстно относился къ нимъ и самъ во все вникалъ. Онъ сознавалъ, что и на этомъ скромномъ мѣстѣ можетъ быть полезенъ своимъ согражданамъ и родинѣ. Съ самаго ранняго утра Конфуцій, сопровождаемый свѣдущими и опытными людьми, обходилъ рынки и лавки, осматривая овощи, мясо и хлѣбъ, причемъ поощрялъ честныхъ торговцевъ и строго преслѣдовалъ мошенниковъ, и благодаря этимъ мѣрамъ достигъ блестящихъ результатовъ. Время, свободное отъ службы, онъ продолжалъ посвящать ревностнымъ занятіямъ наукой и проводилъ его почти постоянно дома, изрѣдка только дѣлая прогулки за городъ съ цѣлью поближе ознакомиться съ бытомъ и хозяйствомъ земледѣльцевъ или посѣщая запасные хлѣбные магазины. Время, посвященное этимъ прогулкамъ, не пропадало у него даромъ — здѣсь онъ старался добыть себѣ тѣ знанія, какихъ не находилъ въ своихъ книгахъ—распрашивалъ земледѣльцевъ о качествахъ воздѣлываемой ими

почвы, о средствахъ сдѣлать ее болѣе плодородной, о средствахъ предохраненія хлѣбныхъ зеренъ отъ проростанія и т. д. Однимъ словомъ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что имѣло хотя малѣйшее отношеніе къ его обязанности. Наградой ему было за это всеобщее глубокое уваженіе къ нему со стороны его согражданъ и громкая слава о его мудрости, которая осталась за нимъ навсегда.

На 19-мъ году своей жизни Конфуцій вступилъ въ бракъ съ дѣвицей изъ знатной фамиліи, по имени Ки-коан-ши. Черезъ годъ у нихъ родился сынъ. Князь Лу, узнавъ о рожденіи сына, прислалъ въ подарокъ Конфуцію пару рыбъ изъ породы карповъ. Карпъ по-китайски называется *ли* и Конфуцій въ знакъ благодарности за милость и вниманіе князя назвалъ новорожденнаго Ли, а впослѣдствіи далъ ему прозваніе Пейю, что́ значитъ первая рыба. Кромѣ сына у Конфуція была еще дочь.

Въ это же время Конфуцій получилъ повышеніе и на своемъ служебномъ поприщѣ. Князь Лу назначилъ его, по единодушному желанію согражданъ и непосредственнаго начальства Конфуція, инспекторомъ пахатныхъ полей, лѣсовъ и стадъ и далъ ему полное право отмѣнять прежніе порядки и вводить новые. И въ этой должности Конфуцій выказалъ блестящія способности.

Онъ вникалъ въ малѣйшую мелочь сельскаго хозяйства и не упускалъ ничего изъ виду, что́ могло хотя нѣсколько содѣйствовать возвышенію и улучшенію сельскохозяйственнаго быта. Онъ достигалъ своей цѣли то убѣжденіями и просьбами, то угрозами и наказаніями, то во время поданной помощью. Усилія его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. При его управленіи бытъ земледѣльцевъ измѣнился къ лучшему, заброшенныя поля обратились въ богатыя нивы, стада и породы домашнихъ животныхъ умножились и усовершенствовались.

ГЛАВА II.

Смерть матери.—Отставка.— Первое выступленіе Конфуція, какъ общественнаго учителя. — Трехгодичный трауръ. — Занятія наукой и искусствами.— Конфуцій дѣлается извѣстнымъ.— Его первое путешествіе и примѣненіе его теоретическихъ познаній на практикѣ. — Занятія музыкой.

Благодаря своимъ заслугамъ и плодотворной дѣятельности, Конфуцій сильно выдѣлился изъ среды остальныхъ чиновниковъ княжества и все сулило ему впереди самую блестящую будущность; но внезапная смерть матери принудила его оставить службу и удалиться отъ общественной дѣятельности на цѣлыхъ три года. Смерть матери его произошла въ 528 г. до Р. Х.

Въ Китаѣ издревле существуетъ обычай, который требуетъ, чтобы сыновья, по смерти отца или матери, выдерживали трехгодичный трауръ, причемъ чиновники гражданскіе и военные должны выходить въ отставку и могутъ снова вступить въ свою должность не ранѣе истеченія срока траура. Это называется у китайцевъ *возстановленіемъ*. Когда въ семьѣ нѣтъ сына, то подобный долгъ долженъ исполнить внукъ, правнукъ или же пріемышъ. Впродолженіе траура нельзя пить вина, выходить изъ дому, имѣть сношеніе съ женой и бывать на пиршествахъ *). Конфуцій слишкомъ ува-

*) Въ китайскихъ свящ. книгахъ говорится: „кто исполняетъ трауръ, тому пища не сладка, музыка не весела, жизнь неспокойна... Сынъ только черезъ три года сходитъ съ рукъ родителей и потому трехгодичный трауръ обязателенъ для всѣхъ“.

жалъ древніе обряды, чтобы могъ пренебречь хотя малѣйшей ихъ деталью и онъ строго выполнилъ все, что требовалось обычаями. Выйдя въ отставку, онъ прежде всего занялся погребеніемъ тѣла матери, желая похоронить ее вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго двадцать лѣтъ тому назадъ его отца въ одной общей могилѣ. При погребеніи Конфуцій въ первый разъ выступилъ въ роли общественнаго учителя. «Соединенные при жизни, сказалъ при этомъ философъ,—не должны быть разлучены и по смерти. Положите ихъ тѣла рядомъ—тѣло мужчины на востокъ, тѣло женщины на западъ, съ головами, обращенными на сѣверъ, и ногами, обращенными на югъ. Чтобы предохранить тѣла отъ хищныхъ звѣрей, вложите ихъ въ гробы изъ толстыхъ четырехдюймовыхъ досокъ, пропитанныхъ масломъ или покрытыхъ лакомъ, а чтобы по возможности долѣе предохранить ихъ отъ разрушенія, поставьте гробы на земляные холмы!»

Это погребеніе во многомъ отличалось отъ соблюдавшихся тогда похоронныхъ обычаевъ. Современники Конфуція совершенно забыли обычаи предковъ и хоронили покойниковъ, какъ попало, на пустыряхъ, нѣсколько дней носили по нимъ трауръ и затѣмъ забывали о нихъ. Не такъ думалъ Конфуцій. Въ своихъ первыхъ поученіяхъ онъ горячо упрекаетъ согражданъ въ неуваженіи къ усопшимъ, въ общей нравственной развращенности, говоритъ, что люди утратили стыдъ и совѣсть, и на самыя возмутительныя вещи смотрятъ равнодушно. Онъ старается вразумить гражданъ, что человѣкъ, царь земли, которому все подчиняется на ней, есть драгоцѣннѣйшее созданіе изъ всѣхъ живущихъ подъ небомъ, достоинъ всякаго уваженія и что равнодушіе къ оболочкѣ его души есть униженіе человѣческаго достоинства и низведеніе его на степень грубаго животнаго. Онъ говорилъ:

— Любите другъ друга и весь родъ человѣческій, всю цѣпь, которой каждый изъ васъ составлятъ отдѣльное звено. Всѣ вы всегда и всѣмъ обязаны усопшимъ. Не было бы однихъ и другихъ не было бы. Живые должны быть благодарными усопшимъ за оказанныя ими при жизни благодѣянія. Самый

простой и естественный способъ возблагодарить усопшихъ состоитъ въ воздаяніи почестей ихъ памяти и именно по тѣмъ обрядамъ, которые существовали въ первыя времена имперіи. Безъ сомнѣнія, и наши потомки воздадутъ въ свою очередь намъ тѣ почести, какія мы воздаемъ нашимъ предкамъ. Почести, воздаваемыя вами тѣмъ, кого вы замѣстили на землѣ, воздадутся вамъ тѣми, кто замѣститъ васъ въ свою очередь.

Примѣръ Конфуція не остался безъ подражателей, а его наставленія безъ послѣдователей. Забытые обычаи старины воскресли, возобновились и существуютъ до настоящаго времени.

Похоронивъ мать, Конфуцій началъ исполнять предписанный трехгодичный трауръ. Все это время онъ жилъ въ уединеніи вполнѣ предавшись оплакиванію своей потери и научнымъ занятіямъ. Въ это время онъ, вѣроятно, изучилъ въ совершенствѣ все то, что не успѣлъ узнать въ школѣ или во время службы.

«Учиться и съ каждымъ днемъ совершенствоваться не такъ-же ли пріятно, какъ встрѣтиться съ другомъ, пришедшимъ изъ далекихъ странъ», говоритъ Конфуцій. По мнѣнію Конфуція, человѣкъ долженъ все свое свободное время употреблять на обученіе.

Мрачная и горькая дѣйствительность окружающей жизни не могла его удовлетворить и онъ сталъ искать утѣшеніе въ прошедшихъ временахъ. Конфуцій весь предался изученію священныхъ книгъ древности и постановленій великихъ и мудрыхъ древнихъ правителей, въ уста которыхъ онъ впослѣдствіи и сталъ вкладывать высказываемыя имъ высокія нравственныя идеи. Впослѣдствіи онъ ставитъ такихъ мудрыхъ правителей древности, какъ Яо, Шунъ, Ю и другіе, въ образецъ совершенныхъ людей, какъ примѣры нравственнаго совершенства и наилучшаго управленія. По этимъ примѣрамъ и образцамъ онъ и рѣшился дѣйствовать неуклонно во всю свою жизнь. Кромѣ изученія древнихъ книгъ и законовъ Конфуцій за это время прилежно занимался усовершен-

ствованіемъ себя въ такъ называемыхъ шести свободныхъ художествахъ, безъ знанія которыхъ человѣкъ, по мнѣнію китайцевъ, не можетъ считаться образованнымъ. Эти шесть свободныхъ искусствъ—музыка, духовные и гражданскіе обряды, математика, каллиграфія, искусство биться на всякомъ оружіи и управлять колесницей.

По истеченіи срока траура Конфуцій сложилъ, какъ требовалось обычаями, на гробницѣ матери свои печальныя одежды и вновь возвратился къ общественной жизни. Онъ не пожелалъ занять опять прежнюю должность, но рѣшился продолжать свои ученыя занятія и только по прошествіи пяти лѣтъ усиленной дѣятельности постигъ вполнѣ основы того ученія, проповѣдыванію и распространенію котораго онъ посвятилъ остальные годы своей жизни.

Вскорѣ слава о его учености и мудрости распространилась по всему Китаю и къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ жаждавшіе знанія и истины. Къ нему приходили люди всѣхъ возрастовъ и состояній—старые и молодые, богатые и бѣдные, знатные и простолюдины и онъ никому не отказывалъ въ мудромъ совѣтѣ. Нѣкоторые изъ молодыхъ и пылкихъ юношей сдѣлались его учениками и постоянно находились при немъ, другіе-же приходили къ нему только по мѣрѣ надобности и затѣмъ опять возвращались къ своимъ обязанностямъ. Князь удѣльнаго княжества Іенъ, услышавъ о мудромъ философѣ, прислалъ къ нему одного изъ своихъ вельможъ спросить совѣта, какъ лучше управлять народомъ.

Выслушавъ посланнаго философъ отвѣчалъ:

— Не зная ни государя, ни его подданныхъ, я не могу ничего посовѣтывать, что могло-бы быть полезно ему и его народу. Если-бы онъ спросилъ у меня, какъ поступали древніе государи въ томъ или иномъ случаѣ, я-бы охотно исполнилъ его желаніе, потому-что я говорю только то, что мнѣ извѣстно. Передайте вашему князю въ точности мои слова!

Отвѣтъ философа былъ, безъ сомнѣнія, переданъ, потому что на слѣдующій годъ Конфуцій былъ при дворѣ князя Іенъ

и работалъ тамъ съ успѣхомъ надъ реформами законовъ и нравовъ. Окончивъ свою задачу, Конфуцій собрался домой.

— Пріѣхавъ сюда, я исполнилъ свой долгъ, сказалъ онъ—исполняю его и уѣзжая отсюда. Теперь я могу быть полезенъ еще гдѣ-нибудь.

Изъ княжества Іенъ онъ отправился въ княжество Кинъ, гдѣ жилъ знаменитый музыкантъ Сіангъ. Тамъ Конфуцій хотѣлъ окончательно усовершенствоваться въ музыкѣ, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ неба человѣку, возвышающій и облагораживающій характеръ человѣка, утишающій страсти, обуревающія человѣческую душу и дающій чистое и невинное наслажденіе. Окончательное усовершенствованіе потребовало не много времени у Конфуція — онъ постигъ всю ея премудрость съ небольшимъ въ двѣ недѣли, изъ чего мы можемъ заключить, что музыкальныя требованія того времени были не слишкомъ обширны и сложны. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ своихъ изреченій Конфуцій даетъ въ высшей степени простой совѣтъ, какъ обучиться музыкѣ. Онъ говоритъ: «Музыкѣ легко выучиться: при началѣ игры всѣ инструменты должны быть настроены; впродолженіе игры все должно идти плавно, внятно, безъ диссонанса; то-же и въ концѣ».

Какъ-бы то ни было, Конфуцій дорожилъ музыкой и ввелъ ее въ свое преподаваніе, какъ средство для смягченія народныхъ нравовъ. Въ одной изъ каноническихъ книгъ, составленныхъ Конфуціемъ, сказано: «желаете-ли образоваться. Тщательно изучайте музыку. Музыка выражаетъ и живописуетъ намъ союзъ неба съ землею. Съ богослуженіемъ и музыкой—въ имперіи ничего не можетъ быть невозможнаго». Онъ даже, по словамъ лѣтописцевъ, сочинилъ книгу о музыкѣ, къ сожалѣнію, затерянную. Тѣ-же лѣтописцы передаютъ слѣдующія слова Конфуція, сказанныя имъ, когда онъ явился въ послѣдній разъ къ Сіангу, чтобы отдать отчетъ въ разученной имъ пьесѣ:

— Теперь я похожъ на человѣка, съ горной вершины обозрѣвающаго пройденное пространство и всю окрестность.

Въ музыкѣ я вижу то, что въ ней возможно видѣть. Благодаря постоянству и прилежанію я понялъ таинственный смыслъ древней пьесы, мною разыгранной. Играя ее, я перечувствовалъ все, что испыталъ ея составитель — мнѣ казалось, что я его вижу, слышу, говорю съ нимъ. Воображаю себѣ этого составителя человѣкомъ средняго роста съ нѣсколько печальнымъ лицомъ, съ большими ласковыми глазами, съ кроткимъ пріятнымъ голосомъ, словомъ, въ сочинителѣ пѣсни вижу великаго правителя Ву-ванга. Угадалъ-ли я?

Сіангъ подтвердилъ его догадку и въ восторгѣ воскликнулъ:

— Я долженъ быть вашимъ ученикомъ, а не вы моимъ!

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Лу.—Продолженіе ученыхъ занятій.—Путешествіе въ княжество Тси.—Встрѣча на пути.—Поѣздка въ княжество Чжеу.—Отзывъ Конфуція объ его ученіи.—Изреченія древнѣйшихъ китайскихъ мудрецовъ и мнѣніе о нихъ Конфуція.—Свиданія Конфуція съ Лао-цзы.

Посѣщенія княжествъ Іенъ и Кинъ убѣдили Конфуція въ пользѣ и необходимости путешествій. Онъ увидалъ, что только этимъ путемъ можно пріобрѣсти здравыя понятія и вѣрныя сужденія о народномъ духѣ и что неблагоразумно полагаться на отзывы другихъ, большею частью ложные или предвзятые. Впослѣдствіи онъ никогда не упускалъ случая, доставлявшаго ему возможность побывать въ томъ или другомъ княжествѣ. Такая возможность, какъ мы увидимъ далѣе, представлялась ему довольно часто.

Возвратившись въ Лу, Конфуцій опять принялся за свои ученыя занятія, посвятивъ себя всецѣло мудрости и истинѣ. Нѣкоторые изъ близкихъ ему людей старались отклонить его отъ этого намѣренія и уговаривали поступить на службу.

— Рѣшеніе мое неизмѣнно, отвѣчалъ имъ Конфуцій: мое назначеніе и долгъ—служить и быть полезнымъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Всѣ люди—одна семья и мое призваніе быть ея наставникомъ!

И дѣйствительно, съ этого времени домъ его обратился въ настоящую академію. Но въ скоромъ времени Конфуцій опять покинулъ Лу и отправился въ княжество Тси, куда пригласилъ его владѣтель этой области, желавшій воспользоваться совѣтами и опытомъ славнаго философа.

Конфуцій отправился въ Тси, сопровождаемый своими учениками и многими почитателями, пожелавшими всюду слѣдовать за нимъ.

Конфуцій не отговаривалъ послѣднихъ, зная, что слабые и безхарактерные изъ нихъ сами отстанутъ.

Во время пути ѣхавшіе услышали раздававшіеся въ сторонѣ отъ дороги стоны. Приблизившись, они увидали пытавшагося повѣситься человѣка и тотчасъ же освободили несчастнаго отъ петли, причемъ Конфуцій, сошедши съ колесницы, спросилъ несчастнаго о причинѣ, побудившей его прибѣгнуть къ самоубійству.

Спасенный отвѣчалъ, что причиною была его печально сложившаяся жизнь, что онъ съ дѣтства стремился сдѣлаться мудрымъ и изучилъ все, что было ему доступно, и пристрастившись къ путешествіямъ, покинулъ родину, чтобы бродить изъ княжества въ княжество. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ вернулся домой и женился, вскорѣ послѣ этого умерли его отецъ и мать, для которыхъ онъ не успѣлъ ничего сдѣлать, и это было первой причиной его печали. Вторая причина его печали заключалась въ томъ, что, возвратившись изъ путешествія, онъ считалъ себя способнымъ руководить другими и въ виду этого, какъ только миновалъ срокъ траура, предложилъ свои услуги князю Тси, но князь, занятый болѣе развлеченіями, чѣмъ дѣлами правленія, не хотѣлъ его слушать. Друзья также отнеслись къ нему гордо, индиферентно или же прямо съ презрѣніемъ, что составило третью причину его печали и наконецъ четвертая причина заключалась въ томъ, что его покинулъ единственный сынъ.

— И такъ, заключилъ свою исповѣдь самоубійца: я хотѣлъ быть мудрымъ, а не съумѣлъ исполнить самыхъ обыкновенныхъ гражданскихъ обязанностей—не былъ ни добрымъ сыномъ, ни достойнымъ гражданиномъ, ни хорошимъ отцомъ семейства и поэтому-то я и рѣшился на самоубійство.

Выслушавъ слова самоубійцы, Конфуцій сказалъ:

— Какъ бы ни были велики ваши ошибки, онѣ ничтожны въ сравненіи съ малодушіемъ. Всякая ошибка—дѣло поправимое, но самоубійство—преступленіе непоправимое. Вы заблудились съ первыхъ же вашихъ шаговъ по житейскому пути

и пошли ложнымъ путемъ, думая идти къ мудрости. Вы должны были начать съ того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ прежде, чѣмъ мудрецомъ; послѣднее возможно только при точномъ исполненіи человѣческихъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ самой природой. Первой же вашей обязанностью было любить родителей и угождать имъ, но вы ея не исполнили и эта небрежность была причиною всѣхъ вашихъ несчастій. Не думайте однако, что для васъ все невозвратно погибло, пріободритесь и не падайте духомъ; вѣрьте одной великой истинѣ, неопровержимость которой подтверждается опытомъ всѣхъ вѣковъ. Вотъ эта истина, постарайтесь навсегда запечатлѣть ее въ вашей памяти:—покуда человѣкъ живъ, онъ не долженъ ни въ чемъ отчаяваться. Отъ величайшаго горя онъ можетъ перейти къ величайшей радости, отъ ужаснѣйшаго бѣдствія къ полнѣйшему блаженству. Мужайтесь, идите къ себѣ домой и примитесь за труды съ тою же охотою, какъ бы сегодня вы снова начали жить, узнавъ настоящую цѣну жизни. Вы еще можете сдѣлаться мудрымъ!

Затѣмъ Конфуцій, обратясь къ сопровождавшимъ его, сказалъ:

— То, что вы слышали, можетъ послужить для васъ хорошимъ урокомъ!.. Пусть каждый хорошенько поразмыслитъ надъ этимъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на колесницу и не успѣлъ отъѣхать полуверсты, какъ нѣсколько учениковъ подошли къ нему и просили у него позволенія вернуться домой—служить своимъ родителямъ и заботиться о нихъ.

Принципъ, изложенный Конфуціемъ въ его бесѣдѣ съ самоубійцей, есть основное правило философіи Конфуція. На этомъ принципѣ зиждется вся общественная, политическая и семейная жизнь Китая—съ идеей сыновней почтительности тѣсно связано ученіе о почтеніи къ старшимъ, на чемъ и основанъ весь строй общественной жизни китайцевъ.

Молодой князь Теи принялъ мудреца съ большимъ почетомъ, но этимъ и ограничился. Ни совѣтовъ, ни наставленій князь, весь отдавшійся забавамъ и разнаго рода удоволь-

ствіямъ, у него не спрашивалъ. Конфуцій прожилъ при дворѣ Тси цѣлый годъ, но его пребываніе не принесло княжеству никакой пользы.

Князь осыпалъ мудреца ласками изъ тщеславія, желая, чтобы народъ говорилъ о немъ, что онъ умѣетъ чествовать и награждать великихъ людей. Онъ предложилъ Конфуцію въ обладаніе городъ. Конфуцій отказался, сказавъ, что ничѣмъ не заслужилъ подобнаго дара.

Число учениковъ и слушателей Конфуція возросло до такой степени, что князь отдалъ ему для его собраній одинъ изъ своихъ дворцовъ.

Князь часто приглашалъ къ себѣ на дружескія бесѣды Конфуція. Во время одной изъ подобныхъ бесѣдъ, философъ имѣлъ случай показать необыкновенную прозорливость своего ума и высказать свой взглядъ на правителей и правленіе. Лѣтописи передаютъ этотъ случай такъ: однажды, дружно бесѣдуя съ философомъ, князь получилъ извѣстіе изъ княжества Чжеу, что молнія сожгла въ императорскомъ дворцѣ одинъ изъ храмовъ, посвященныхъ памяти предковъ.

— Храмъ Ли-Ванга, по всей вѣроятности! замѣтилъ Конфуцій.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ князь.

Философъ отвѣчалъ:

— Покуда властители земли живы, худопонимаемое уваженіе или раболѣпный страхъ замыкаютъ уста окружающимъ ихъ, но небо нелицепріятно—оно, рано или поздно, ниспосылаетъ знаменія своего гнѣва на нарушителей его законовъ. Ли-вангъ былъ злой государь. Онъ отмѣнилъ многія мудрыя постановленія Вен-ванга; онъ первый осмѣлился носить желтыя, богато убранныя одежды, строить пышные дворцы, щеголялъ лошадьми и колесницами—словомъ, онъ первый изъ царей ввелъ при дворѣ ту безумную роскошь, которая заставила бы краснѣть государей древности. Гнѣвъ небесный, уничтоживъ храмъ, посвященный памяти Ли-ванга, возвѣщаетъ людямъ, что они воздавали почести недостойному и

вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ князей, чтобы они не подражали Ли-вангу!

Князь, узнавъ чрезъ нарочно посланнаго, что молнія дѣйствительно сожгла храмъ Ли-ванга, сказалъ, послѣ долгаго размышленія, окружающимъ:

— Порадуйтесь со мною. Въ Конфуціи я пріобрѣлъ неоцѣненное сокровище. Онъ величайшій мужъ во всей имперіи... Это—мудрецъ, достигшій вершины премудрости... Это, воистину, святой человѣкъ. Онъ видитъ происходящее далеко такъ-же ясно, какъ и происходящее у него предъ глазами!

Вскорѣ послѣ этой бесѣды Конфуцію представился удобный случай посѣтить княжество Чжеу. На родинѣ мудреца, въ княжествѣ Лу, умеръ одинъ изъ первыхъ княжескихъ сановниковъ, при жизни много слышавшій о Конфуціи и уважавшій его за его мудрость. На смертномъ одрѣ онъ завѣщалъ своимъ сыновьямъ сдѣлаться учениками Конфуція. Послѣ смерти отца и траура сыновья вельможи прибыли къ Конфуцію и сдѣлались его учениками. Благодаря знатному роду и вліянію новыхъ учениковъ, положеніе Конфуція сильно измѣнилось.

Новые его ученики, узнавъ о желаніи учителя посѣтить столицу имперіи, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ принятыми тамъ церемоніями, поспѣшили помочь ему въ этомъ желаніи. Въ это время императорскій дворъ находился въ городѣ Лу. Новые ученики сообщили князю Лу о желаніи Конфуція посѣтить дворъ императора. Князь обѣщалъ оказать философу всевозможное содѣйствіе и для удобства прислать ему собственную колесницу, пару лошадей и одного изъ офицеровъ своей свиты.

Такъ какъ главной цѣлью Конфуція было ознакомленіе съ церемоніями и постановленіями династіи Чжеу, то онъ по прибытіи въ Чжеу посѣщалъ главнымъ образомъ различныя мѣста, гдѣ могъ достигнуть своей цѣли. По прибытіи въ Лу онъ встрѣтилъ Чанъ-хунга, музыканта-философа. Чанъ-хунгъ съ радостью привѣтствовалъ Конфуція и предложилъ ему поселиться у него въ домѣ. Онъ же представилъ Конфуція первому министру при дворѣ Чжеу. Министръ, ласково принявъ

философа, сталъ разспрашивать его объ его ученіи. Философъ отвѣтилъ:

— Мое ученіе есть то самое, которому долженъ слѣдовать каждый человѣкъ—это ученіе Яо и Шуна. Что же касается до моего способа преподаванія этого ученія, то онъ очень простъ: я указываю на поведеніе древнихъ, какъ на образецъ, совѣтую читать священныя книги (кингъ) и требую, чтобы размышляли надъ прочитаннымъ.

— Но какъ пріобрѣсти мудрость? Научите меня чему-нибудь.

— Вы требуете отъ меня слишкомъ многаго. Постарайтесь запомнить четыре слѣдующія предложенія, которыя могутъ вамъ пригодиться: сталь ломается какъ бы ни была она крѣпка: нерѣдко кажется не сокрушимымъ то, что въ сущности легко уничтожить; гордый, ставя себя выше другихъ, воображаетъ, что всѣ ему поклоняются; другіе же, считая его ниже себя, не обращаютъ на него никакого вниманія; излишне снисходительный, со всѣми соглашаясь, чтобы всего достигнуть, дѣлается всегда игралищемъ собственнаго легковѣрія. Эти правила, какъ ни кажутся они просты, могутъ довести до высочайшей ступени мудрости того, кто, проникнувъ въ ихъ смыслъ, согласно имъ будетъ вести себя...

Услышавъ о прибытіи Конфуція въ столицу, одинъ изъ первыхъ вельможъ, по имени Ліу-вен-кунгъ, сталъ разспрашивать объ немъ Чанг-хунга.

Чанг-хунгъ, съ восторгомъ отзываясь о гостѣ, сказалъ, что это человѣкъ, которому нѣтъ въ свѣтѣ подобнаго, что онъ настолько скроменъ, что не стыдится учиться у людей менѣе мудрыхъ и менѣе просвѣщенныхъ, что онъ будетъ служить удивленіемъ всего міра и всѣхъ вѣковъ, что онъ совершеннѣйшій образецъ человѣка, какой только можно представить себѣ, и затѣмъ прибавилъ, что память о немъ исчезнетъ только тогда, когда исчезнетъ ученіе Яо и Шуна и забудутся наставленія мудрыхъ основателей имперіи.

Конфуцію былъ переданъ этотъ восторженный отзывъ. Выслушавъ его, онъ сказалъ:

— Все это незаслужено и преувеличено. Достаточно было бы сказать, что я кое-что смыслю въ музыкѣ и стараюсь соблюдать всѣ обряды.

Во время одной изъ своихъ прогулокъ по столицѣ, когда онъ осматривалъ столичные храмы и дворцы, Конфуцій зашелъ, между прочимъ, въ храмъ свѣта (Минъ-тангъ). Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на живописныя изображенія древнихъ правителей. Разсматривая ихъ, онъ увидѣлъ, что эти изображенія размѣщены безъ всякаго порядка, не сообразуясь съ дѣяніями этихъ правителей. Глубоко вздохнувъ, онъ сказалъ:

— Портреты Яо и Шуна помѣщены рядомъ съ изображеніями Кіе и Шеу. Между тѣмъ ихъ единственное сходство только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе были императорами. Первые считались любимцами неба и народа, вторые, напротивъ, были ненавистны небу и внушали страхъ людямъ. А почему? Потому-что первые почитали небо и умѣли сдѣлать людей счастливыми, вторые-же презирали небо и причиняли людямъ зло, какое только были въ состояніи.

Въ храмѣ предка царской династіи Чжеу онъ замѣтилъ золотую статую на пьедесталѣ, изображавшую человѣка, губы котораго были заколоты тремя иглами. На спинѣ статуи находились слѣдующія надписи:

«Въ древности люди были осмотрительнѣе въ своихъ рѣчахъ: имъ слѣдуетъ подражать... Не говорите много, потому что при многословіи всегда скажется что нибудь, чего говорить не слѣдовало... Не беритесь разомъ за много дѣлъ—множество дѣлъ ведетъ за собою и множество скорбей или, по крайней мѣрѣ, заботъ... Трудитесь и работайте, на сколько требуетъ этого вашъ долгъ... Не ищите ни великихъ радостей, ни излишняго спокойствія: поиски за тѣми и другими сами по себѣ—трудъ и помѣха спокойствію... Никогда не дѣлайте того, что рано или поздно можетъ повлечь за собою раскаяніе... Не пренебрегайте поправкой зла, какъ-бы ничтожно оно ни было—запущенное малое зло разростется и сдѣлается большимъ... Если не будете избѣгать малой несправедливости къ себѣ со стороны другихъ людей, вскорѣ придется употреблять всѣ усилія къ отраженію жесточайшихъ нападокъ... Говоря

или дѣйствуя наединѣ, не воображайте, что васъ никто не видитъ и не слышитъ: духи—свидѣтели всѣхъ вашихъ дѣяній... Долго скрытый огонь разгорается въ непреодолимый пожаръ; огонь обнаружившійся легче тушится... Многіе ручьи даютъ рѣку; многія нитки, свитыя вмѣстѣ, образуютъ канатъ, который трудно порвать... Легко вырвать изъ земли молодое неукоренившееся дерево; дайте ему вырости—понадобится топоръ... Изъ устъ нашихъ могутъ исторгаться и стрѣлы язвящія и пламя пожирающее; осторожность предохраняетъ и отъ стрѣлъ и отъ огня... Не думайте, чтобы человѣкъ, одаренный силой, могъ безопасно подвергать себя всякимъ опасностямъ—сильный всегда можетъ встрѣтить сильнѣйшаго, который его одолѣетъ... Ненавидѣть законныхъ властителей значитъ уподобляться разбойникамъ; роптать на справедливое правительство значитъ становиться въ уровень съ низкой чернью... Противиться государю можно только при чрезмѣрныхъ требованіяхъ; довольствующемуся малымъ легко и повиноваться.—Простые люди и простѣйшіе изъ людей никогда не начинаютъ и не предпринимаютъ ничего новаго: они только подражаютъ и слѣдуютъ тому, что дѣлаютъ другіе; имъ необходимы примѣры и образцы. Видя людей осторожныхъ, почтительныхъ, добродѣтельныхъ, образованныхъ, и они сдѣлаются такими же и сами въ свою очередь будутъ образцами для послѣдующихъ поколѣній.—Уста мои замкнуты, говоритъ не могу; на вопросы и возраженія не отвѣчу. Въ свою очередь и мнѣ не о чемъ спрашивать.—Знаніе скрыто, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Хотя положеніе мое и высоко, но вредить мнѣ никто не можетъ. Изъ васъ скажетъ ли кто это самое? У неба нѣтъ родства и оно одинаково ко всѣмъ людямъ. Прочитанное вами здѣсь заслуживаетъ глубокаго размышленія»!..

Вся эта надпись состояла изъ изреченій древнѣйшихъ китайскихъ мудрецовъ и заключала въ себѣ главнѣйшія правила господствовавшей въ народѣ морали тѣхъ временъ.

Прочтя громко эти правила, Конфуцій сказалъ окружающимъ его:

— Я смотрю на эти правила, какъ на перечень всего, что только можно сказать полезнаго... Я убѣжденъ, что умѣя примѣнить эти правила къ дѣлу, можно быть близкимъ къ совершенству. Постараюсь воспользоваться ими и вамъ всѣмъ то-же совѣтую!

Изъ храма свѣта Конфуцій направился въ другіе храмы.

гдѣ богдыханы воздавали почести своимъ предкамъ. Мандарины, на обязанности которыхъ лежали присмотръ и забота объ этихъ покояхъ, приняли его съ величайшимъ почетомъ и усадили на возвышенное мѣсто. Во время бесѣды Конфуцій поражалъ ихъ своими знаніями. Тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь не упустилъ случая ближе ознакомиться съ обычаями и церемоніями, принятыми въ Чжеу, чтобы узнать, насколько они расходились съ древними постановленіями. Онъ разспрашивалъ такъ подробно и входилъ въ такія мелочи, что одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ:

— Какъ-же это? О немъ говорили, что онъ все знаетъ, а онъ между тѣмъ о всемъ разспрашиваетъ...

Услышавъ эти слова, Конфуцій сказалъ:

— Вотъ въ этомъ-то и заключаются церемоніи.

Какъ мы увидимъ далѣе, Конфуцій придавалъ и не безъ основанія большое значеніе церемоніямъ. Знакомясь и внимательно изучая обычаи и церемоніи Чжеу, Конфуцій кромѣ того занимался изученіемъ музыки подъ руководствомъ своего хозяина.

Такъ прожилъ онъ въ Чжеу два года. Въ это время онъ видѣлся съ Лао-цзы, жившимъ въ уединенной пещерѣ въ окрестностяхъ города. Бесѣдуя съ Конфуціемъ, Лао, вѣрный своему ученію, упрекалъ Конфуція за славу, которая ходитъ о немъ въ народѣ, за многочисленныхъ учениковъ, за его честолюбіе и въ заключеніе высказалъ свое мнѣніе о томъ, каковъ долженъ быть истинный мудрецъ.

— Мудрецъ, сказалъ Лао, чуждается свѣта; онъ не только не домогается, но убѣгаетъ почестей. Вполнѣ увѣренный, что послѣ своей смерти онъ оставитъ добрыя правила тѣмъ, которые способны запомнить и усвоить ихъ, истинный мудрецъ не довѣряется всякому встрѣчному, а сообразуется со временемъ и обстоятельствами. Въ добрыя времена онъ говоритъ, въ тяжелыя безмолвствуетъ. Обладатель сокровища скрываетъ его отъ всѣхъ, чтобы сокровища не похитили и никому не разглашаетъ, что у него есть сокровище. Истинно добродѣтельный своей добродѣтели на показъ не выставляетъ

и не трубитъ въ уши всѣмъ и каждому, что онъ мудръ и добродѣтеленъ... Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ! Воспользуйтесь тѣмъ, что отъ меня слышали...

Возвратясь обратно, Конфуцій долгое время хранилъ молчаніе, и затѣмъ обратясь къ ученикамъ сказалъ:

— Вообразите себѣ дракона, кольцами неизмѣримаго туловища объемлющаго всю вселенную... Таковъ разумъ Лао-тзы...

ГЛАВА IV.

Возвращеніе въ княжество Тси и затѣмъ въ Лу.— Бесѣды съ учениками.—Исправленіе священныхъ книгъ.—Конфуцій начинаетъ историческій трудъ «Чунь-цю» и друг.

Послѣ 2-хъ годичнаго пребыванія въ Чжеу, Конфуцій, увидѣвъ и изучивъ все, что ему хотѣлось, рѣшилъ возвратиться въ княжество Тси. Разсказываютъ, что когда онъ. спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія, явился во дворецъ къ князю, у послѣдняго былъ концертъ, во время котораго исполнялось музыкальное произведеніе, созданное богдыханомъ Шуномъ за 1730 лѣтъ до Р. Х. Это произведеніе называлось Шао-іо или музыка, разсѣевающая мрачныя мысли и укрѣпляющая сердца въ любви къ долгу. Эта музыка произвела такое сильное впечатлѣніе на философа, что онъ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ не могъ думать ни о чемъ другомъ и самыя изысканныя блюда потеряли для него всю привлекательность. Въ княжествѣ Тси Конфуцій на этотъ разъ пробылъ недолго. Видя, что юный князь, по вѣтренности и легкомыслію, не въ состояніи понять и усвоить его ученіе, философъ вернулся на родину въ княжество Лу; оставивъ въ Тси для распространенія своего ученія нѣсколькихъ учениковъ. Въ Лу въ это время господствовали смуты, князь Лу былъ изгнанъ и управленіемъ овладѣли, образовавъ олигархію, нѣсколько знатныхъ фамилій. Въ Лу Конфуцій прожилъ 15 лѣтъ безъ всякой должности, какъ говоритъ Legge. У Потье, напротивъ, говорится, что Конфуцію была дана второстепенная ничтожная должность, отъ которой ученики совѣтовали ему отказаться.

– Ни за что, отвѣчалъ имъ Конфуцій,—отказъ мой при-

няли-бы за гордость. Указывая другимъ на путь добродѣтели, мы первые должны идти по немъ,—только тогда у насъ могутъ быть послѣдователи!

Все время жизни въ Лу Конфуцій посвятилъ распространенію своего ученія. Способъ его преподаванія былъ перипатетическій — онъ поучалъ и словомъ и дѣломъ, пользуясь каждымъ случаемъ. Мы приведемъ изъ этихъ бесѣдъ наиболѣе интересныя.

Еще будучи въ Чжеу, однажды ученики застали его внимательно смотрящимъ на теченіе рѣки.

— Учитель, сказалъ одинъ изъ нихъ, по имени Тенкунгъ,—полезно-ли созерцаніе текущей рѣки?.. Вещь, кажется, самая обыкновенная.

— Вы вѣрно говорите, отвѣчалъ Конфуцій, — теченіе рѣки по ея естественному или руками вырытому руслу вещь самая обыкновенная, извѣстная всѣмъ и каждому... Но вотъ чего никто не знаетъ и это не совсѣмъ обыкновенно: соотношеніе и сравненіе рѣки съ ученіемъ. Это самое сравненіе и занимаетъ меня... Воды, думалъ я, текутъ безостановочно, днемъ и ночью, текутъ до самаго устья рѣки и тамъ впадаютъ въ море. Ученіе Яо и Шуна текло такимъ-же образомъ до нашего времени; мы въ свою очередь, какъ живыя волны, понесемъ его вдаль, передадимъ послѣдующимъ поколѣніямъ и такъ до скончанія вѣковъ. Не будемъ-же подражать тѣмъ одиночнымъ мудрецамъ, которыя мудры сами для себя, не дѣлясь своею мудростью съ другими...

Въ поученіи Конфуцій высказалъ свой взглядъ на свое ученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ нѣсколько запоздалый отвѣтъ на слова Лао-цзы относительно того, каковъ долженъ быть мудрецъ.

Другой случай, гдѣ Конфуцій имѣлъ случай высказать свой взглядъ на правленіе и на одинъ изъ его главныхъ моральныхъ принциповъ —умѣренность—умѣніе придерживать во всемъ средины и избѣгать крайностей, представился ему въ тронной залѣ дворца богдыхана. Въ залѣ подлѣ трона стояло ведро, сплетенное изъ камыша и хорошо осмоленное,

для подъема воды изъ колодца. Философъ спросилъ одного изъ присутствовавшихъ мандариновъ:

— Зачѣмъ поставлено здѣсь это ведро?

Мандаринъ не зналъ, что отвѣтить, и пробормоталъ какой-то вздоръ. Тогда Конфуцій попросилъ другого зачерпнуть воды изъ колодца. Тотъ осторожно и тихо опустилъ его въ колодецъ, но легкое ведро плавало на поверхности воды, и мандаринъ не могъ зачерпнуть въ него ни капли. Конфуцій всетаки просилъ зачерпнуть воды.

— Если не удалось достать воды такимъ образомъ, сказалъ онъ, надобно черпать иначе какъ-нибудь!

Другой мандаринъ взялъ ведро и бросилъ его въ колодецъ со всего размаху; ведро, переполнившись водою, погрузилось на дно.

— И это не хорошо! сказалъ Конфуцій, — придется зачерпнуть воды самому...

Взявъ ведро, онъ опустилъ его, осторожно покачивая, ни быстро, ни тихо въ колодецъ и ведро наполнилось настолько, что его безъ труда можно было вытянуть изъ глубины. Тогда, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ, Конфуцій сказалъ:

— Вотъ вамъ вѣрное изображеніе хорошаго правленія и искусства умѣть держаться разумной середины. Излишняя слабость или излишняя суровость вредны — надобно умѣть соединять силу съ умѣренностью. Въ древнія времена этотъ опытъ примѣнялся при восшествіи на престолъ новаго правителя—древніе законодатели предписали постоянно держать пустое ведро возлѣ трона для того, чтобы правители всегда помнили моральный выводъ изъ этого простого физическаго явленія!..

Будучи уже на родинѣ, Конфуцій, разъ гуляя съ своими учениками, въ окрестностяхъ города, увидѣлъ птицелова, прилежно занятаго своимъ дѣломъ. Подойдя къ нему и заглянувъ въ клѣтки, Конфуцій замѣтилъ, что въ нихъ находятся только молодыя птицы.

— Гдѣ же старыя? спросилъ онъ у птицелова.

— Старыя хитры и недовѣрчивы, отвѣчалъ птицеловъ.

Прежде чѣмъ приблизиться къ приманкѣ, онѣ спачала все изслѣдуютъ и если откроютъ что либо опасное, то не только не идутъ сами на приманку, но даже уводятъ съ собой молодыхъ. Въ сѣти, большею частью, попадаются молодыя птицы. отдѣлившіяся отъ старыхъ и только случайно старыя, послѣдовавшія примѣру молодыхъ!

— Слышали? сказалъ философъ, обратясь къ ученикамъ.—Слова птицелова намъ нравоученіе. Я ограничусь немногими поясненіями: молодыя птички увертываются отъ силковъ, когда онѣ летаютъ вмѣстѣ со старыми, но старыя попадаются, когда летаютъ за молодыми. Не тоже ли бываетъ и съ людьми?!. Высокомѣріе, задорливость, неопытность, неосмотрительность — вотъ главные источники ошибокъ молодости. Надутые своими ничтожными достоинствами, нахватавшись верхушекъ знанія — молодые люди считаютъ себя всезнающими; они считаютъ себя героями мудрости и добродѣтели, лишь только имъ удастся совершить самое обыкновенное дѣло. Имъ невѣдомы ни сомнѣніе, ни нерѣшительность, ими руководитъ не совѣтъ опытныхъ и мудрыхъ людей, а слѣпое и безумное увлеченіе; они идутъ ложнымъ путемъ, заблуждаются и попадаютъ въ первую разставленную ловушку!.. А также развѣ между людьми старыми или зрѣлыми не встрѣчаются лица, увлекающіяся малѣйшимъ проблескомъ дарованія въ молодыхъ людяхъ и вполнѣ ввѣряющіяся имъ, думающія и говорящія, какъ они, и вмѣстѣ съ ними заблуждающіяся? Не забывайте-же никогда, что вы слышали!

Ограничимся этими примѣрами метода, примѣнявшагося Конфуціемъ въ его преподаваніи, и перейдемъ къ дальнѣйшему повѣствованію о его жизни.

Все время своей жизни въ Лу Конфуцій не прекращалъ ученыхъ занятій. Вставая рано и ложась очень поздно, онъ посвящалъ впродолженіе дня на отдыхъ всего два часа.

Въ это время Конфуцій приступилъ къ пересмотру древнихъ священныхъ книгъ и новой ихъ редакціи, исправляя, поясняя, а также сокращая многое изъ нихъ, что было уже

несогласно съ духомъ времени или съ господствовавшими тогда понятіями. Особенное вниманіе Конфуцій обратилъ на книгу превращеній (*И-кингъ*) великаго Фу-си-шы. Вмѣстѣ съ *И-кингомъ* онъ занимался обработкой другого древняго сочиненія китайцевъ *Шу-цзинъ*, древней исторіи Китая, содержащей въ себѣ событія съ 2365 г. до Р. Х. Это сочиненіе было составлено изъ дворцовыхъ записокъ, писанныхъ въ свое время придворными исторіографами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ института *Судей исторіи*, установленнаго богдыханомъ Хоангъ-ти. Конфуцій, желая сдѣлать это сочиненіе основаніемъ законодательства, исключилъ изъ него все несообразное съ здравымъ смысломъ и сокративъ ее до 50 главъ, началъ лѣтоисчисленіе въ исторіи съ государя Яо. Тогда-же онъ сталъ писать свое историческое сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ «Весна и Осень» (*Чунь-цю*), историческія записки княжества Лу, содержащія исторію династіи Чжеу, смутъ и междуусобицъ, потрясавшихъ это княжество при династіи Чжеу. Не оставилъ Конфуцій безъ вниманія и книгу стиховъ «Ши-цзинъ». Эти стихи были писаны частью при династіи Шань за 1700 л. до Р. Х., большая-же часть при династіи Чжеу, когда Китай раздѣлился на множество удѣльныхъ княжествъ. Удѣльные князья обязаны были собирать народныя пѣсни и представлять ихъ главѣ государства, который судилъ по нимъ о правахъ и правленіи въ удѣлахъ. Другія стихотворенія слагались для пѣнія въ торжественныхъ случаяхъ при дворахъ богдыхана и удѣльныхъ князей, при жертвоприношеніяхъ и т. д. Всѣхъ стиховъ было до 3000. Конфуцій сократилъ ихъ до 311 и также вложилъ ихъ въ основу своего ученія. Конфуцію приписывается также составленіе гадательной книги «*И-цзинъ*», прабабушки нашего Мартына Задеки, книги, написанной очень темнымъ и невозможнымъ языкомъ, а также, какъ мы уже говорили, книги о музыкѣ.

ГЛАВА V.

Новыя путешествія въ княжества Чжунь и Теи. — Взглядъ Конфуція на охоту. — Прозорливость Конфуція и его великодушіе. — Бесѣда съ учениками о средствахъ избавленія родины отъ бѣдствій.

Между тѣмъ смуты въ княжествѣ Лу все еще продолжались. Печальное зрѣлище этихъ неурядицъ сильно наскучило Конфуцію—онъ рѣшилъ нѣсколько освѣжиться отъ нихъ и предпринялъ цѣлый рядъ путешествій, желая видѣть, гдѣ сохранилось еще древнее ученіе, а также зачатки его ученія, данные имъ въ предшествовавшія путешествія. Прежде всего онъ направился въ княжество Чжунь, лежавшее на границахъ нынѣшняго Хо-нана. То, что онъ увидалъ здѣсь, было очень неутѣшительно. Повсюду царствовало всеобщее недовольство—простой народъ погибалъ отъ нищеты и бѣдности, а знатные утопали въ излишествѣ и роскоши. Древняго благочестія не было и слѣда. Отсюда онъ отправился въ княжество Теи, но и здѣсь положеніе вещей было не лучше. Изъ Теи философъ отправился дальше и только въ небольшомъ горномъ округѣ Тай-шанѣ измученному повсемѣстными бѣдствіями и неурядицами взору Конфуція открылась картина первобытной чистоты нравовъ; эта патріархальная картина и неиспорченныя понятія горцевъ объ истинѣ несказанно обрадовали философа. Узнавъ, что князь Теи, бывшій въ отсутствіи при первомъ посѣщеніи Конфуціемъ княжества Теи, вернулся въ свои владѣнія, Конфуцій опять направился въ Теи, правитель котораго въ это время изъ легкомысленнаго молодого человѣка сдѣлался зрѣлымъ мужемъ, способнымъ оцѣнить достоинства Конфуція и воспользоваться его совѣтами. Дѣйствительно, когда Конфуцій послѣ двухдневнаго отдыха испро-

силъ себѣ аудіенцію у князя, какъ этого требовалъ придворный этикетъ, князь принялъ его очень радушно.

Окруженный блестящей свитой, онъ встрѣтилъ его въ дверяхъ и сказалъ:

— Я узналъ, что вы прибыли изъ своего славнаго отечества съ цѣлью видѣть меня и быть полезнымъ мнѣ и моему народу! Выражаю вамъ мою искреннюю благодарность за это намѣреніе — я радъ васъ видѣть у себя! Войдите-же, уважаемый учитель, и позвольте мнѣ услышать отъ васъ нѣсколько уроковъ мудрости!..

И уступивъ дорогу, князь просилъ Конфуція войти во дворецъ. Когда-же Конфуцій отказался идти впереди князя, послѣдній замѣтилъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ своего княжескаго достоинства и что, по его мнѣнію, мудрецъ выше князя. Конфуцій отвѣтилъ ему на это:

— Государь, правила приличія существуютъ для всѣхъ людей, какъ для царей, такъ и для простыхъ смертныхъ. Если вы будете относиться съ пренебреженіемъ къ вашей обязанности, а я къ своей, мы оба нарушимъ установленный порядокъ. Почтеніе должно быть оказываемо вамъ повсюду, гдѣ-бы вы ни были — это одно изъ преимуществъ вашего сана!.. Князь долженъ быть княземъ, министръ — министромъ и отецъ—отцомъ!..

Князь болѣе не настаивалъ. Вообще пріемъ, сдѣланный княземъ Конфуцію и знаки глубочайшаго уваженія, которыми онъ окружалъ мудреца, подавали надежду, что наконецъ въ княжествѣ Тси откроется обширное поле дѣйствія для дѣятельности Конфуція. И дѣйствительно, князь обѣщалъ Конфуцію назначить его министромъ. Но Конфуцій скоро узналъ, какъ мало можно было полагаться на эти обѣщанія. Министры, боясь вліянія Конфуція на князя, съумѣли отговорить послѣдняго отъ его намѣренія, указывая главнымъ образомъ на то, что хотя Конфуцій можетъ быть и очень мудрымъ въ теоріи, но очень легко можетъ оказаться плохимъ исполнителемъ своихъ теоретическихъ предначертаній на практикѣ. Запуганный этими оговорами, малодушный

князь передумалъ приблизить къ себѣ Конфуція и, сказавъ: «я слишкомъ старъ для того, чтобы пользоваться его наставленіями», взялъ назадъ обѣщаніе сдѣлать Конфуція своимъ соправителемъ. Конфуцій нисколько не жаловался на измѣнчивость князя, а только пожалѣлъ его, какъ добраго и благонамѣреннаго правителя, но неумѣющаго дѣлать добро благодаря своей зависимости отъ вельможъ. Изъ Тси онъ опять отправился на родину. Во время пути онъ почти всюду получалъ изъявленіе глубочайшаго почтенія къ его мудрости и ученію со стороны отдѣльныхъ лицъ и глубокое равнодушіе, а иногда даже презрѣніе со стороны массы народа, всецѣло поглощеннаго своими насущными потребностями. На пути все свидѣтельствовало о неурядицахъ, господствовавшихъ тогда въ отчизнѣ Конфуція, о тѣхъ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ, которыя раздирали государство. Между прочимъ одна встрѣча во время дороги дала Конфуцію случай высказать его мнѣніе о войнѣ. На пути они увидали нѣсколько землепашцевъ, занимавшихся стрѣльбой изъ лука и другими военными упражненіями. Посмотрѣвъ на нихъ, Конфуцій сказалъ:

— Подобными дѣлами во времена древнихъ мудрыхъ царей занимались только воины, а не землепашцы. Теперь-же всѣ люди, кажется, хотятъ быть солдатами—война конечно отъ этого не сдѣлается лучше, но за то обработка полей будетъ хуже. Однако, прибавилъ онъ, солдаты нужны —это зло, съ каждымъ днемъ дѣлающееся болѣе и болѣе необходимымъ.

Далѣе на пути они встрѣтили группу охотниковъ, отправлявшихся на охоту. Въ древнія времена Китай изобиловалъ всякаго рода дичью и хищными звѣрями. Послѣдніе были настолько многочисленны и опасны, что первыми государями Китая были установлены обязательныя общественныя охоты, совершавшіяся разъ или два въ годъ. Съ этими охотами были связаны даже нѣкоторые религіозные обряды. Въ остальное же время жители занимались охотой или какъ промысломъ, или какъ удовольствіемъ.

Увидавъ охотниковъ, одинъ изъ учениковъ Конфуція спросилъ:

— Достойно-ли вниманія мудреца такое занятіе, какъ охота?

— Все достойно вниманія мудреца и нѣтъ ничего, чѣмъ бы мудрый не могъ или не долженъ заниматься! Охота есть одно изъ первыхъ занятій человѣка: благодаря охотѣ человѣку удалось завладѣть той почвой, которую онъ теперь обработываетъ и которая была заселена всякаго рода звѣрями. Охотой развлекались знаменитые государи древности отъ тяжкихъ трудовъ правленія. Благодаря охотѣ мудрецъ можетъ дать нѣкоторый отдыхъ утомленному глубокими размышленіями уму и собрать новыя силы для продолженія своихъ занятій. Наконецъ, благодаря охотѣ люди могутъ пользоваться драгоцѣннымъ преимуществомъ приносить въ жертвы животныхъ, убитыхъ собственными руками, какъ это предписано въ церемоніяхъ!

Пока Конфуцій говорилъ, охотники подошли къ нимъ. Конфуцій попросилъ позволенія присоединиться къ нимъ и, получивъ согласіе, отправился вмѣстѣ съ ними на охоту, на которой и пробылъ около двухъ недѣль. Послѣ охоты онъ возвратился въ княжество Лу, гдѣ его ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Къ общимъ смутамъ присоединилось новое бѣдствіе—годъ былъ неурожайный, цѣны на жизненные припасы сильно возвысились, народъ не былъ въ состояніи вносить исправно въ казну подати и налоги. При этихъ-то несчастныхъ обстоятельствахъ опять вспомнили о Конфуціи, о его успѣшномъ завѣдываніи пахатными землями, когда земледѣльцы собирали обильныя жатвы съ самыхъ тощихъ пашень, и первый министръ, вскорѣ послѣ прибытія Конфуція въ Лу, пригласилъ его во дворецъ на совѣщаніе. На вопросы и просьбы министра помочь имъ совѣтами, какъ поступить при настоящихъ обстоятельствахъ, Конфуцій отвѣчалъ уклончиво и неясно. Ученики были крайне поражены поведеніемъ ихъ учителя.

— Почему вы, спросили они его,—всегда столь великодушный и доброжелательный, не пожелали подѣлиться съ министромъ вашими свѣдѣніями и вашей опытностью. Развѣ

вы охладѣли къ добру или, быть можетъ, людская неблагодарность ожесточила ваше сердце? Мы не въ состояніи понять что съ вами?

— Благодарю васъ за вашу искренность, отвѣчалъ Конфуцій,—и отплачу вамъ тѣмъ же. Я поступилъ такъ потому, что министръ—человѣкъ жадный, богатый землевладѣлецъ. Онъ думаетъ только объ умноженіи доходовъ съ своихъ имѣній, а не объ общемъ благѣ. Онъ собираетъ налоги съ жизненныхъ припасовъ и его главнѣйшая забота—увеличеніе налоговъ!.. Не думайте, что онъ, тронутый народными бѣдствіями, старается облегчить ихъ; напротивъ, онъ заботится только о томъ, чтобы отобрать у народа и послѣднія крохи. Проникнувъ въ его тайный умыселъ, я отвѣчалъ уклончиво и небрежно. Не для народной, а для собственной пользы старался онъ вывѣдать отъ меня тайны умноженія доходовъ съ полевыхъ угодій... Людей я люблю не менѣе прежняго и потому не могъ допустить, чтобы по моимъ указаніямъ низкій корыстолюбецъ выжималъ изъ народа всѣ его соки!

Ученики были пристыжены этими доводами и глубоко раскаявались въ своихъ недавнихъ опрометчивыхъ сужденіяхъ, но вскорѣ опять впали въ туже погрѣшность.

Одинъ изъ родственниковъ министра, желая снискать расположеніе Конфуція, подарилъ ему, какъ бы въ знакъ уваженія, 1.000 мѣръ рису. Этотъ подарокъ при всеобщей дороговизнѣ и недостаткѣ хлѣба былъ по-истинѣ царскимъ подаркомъ. Конфуцій принялъ подарокъ, показавъ видъ, что получаетъ должное, и ни единымъ словомъ не выразилъ своей благодарности. Ученики опять смутились, но смущеніе ихъ смѣнилось восторгомъ, когда Конфуцій роздалъ подаренный ему рисъ бѣднымъ, терпѣвшимъ лишенія отъ неурожая, людямъ.

— Знайте, сказалъ онъ ученикамъ, что и здѣсь я былъ вѣренъ своимъ принципамъ и убѣжденіямъ. Я въ точности оправдалъ ожиданія моего лиходателя. Онъ ожидалъ моей благодарности, теперь-же благодарныхъ сотни; онъ думалъ угодить только мнѣ, а угодилъ, хотя и противъ воли, всему народу. Быть можетъ, видя подобныя дѣйствія, онъ пойметъ,

что значитъ быть истиннымъ благотворителемъ и на что слѣдуетъ употреблять данныя небомъ богатства!.. Отвергнувъ подарокъ вельможи, я бы выказалъ презрѣніе и гордость; принявъ же его, но не взявъ себѣ изъ него ни одного зерна, а раздавъ все неимущимъ, я поступилъ какъ слѣдовало.

У китайскихъ историковъ встрѣчается множество подобныхъ чертъ, свидѣтельствующихъ о величіи души и благородства характера великаго философа. Въ нихъ Конфуцій является постоянно человѣкомъ, примѣняющимъ на дѣлѣ всѣ высказываемыя и проповѣдуемыя имъ правила нравственности.

Въ введеніи мы указали, что бѣдственное положеніе Китая вызывало въ современникахъ страстное желаніе измѣнить это положеніе. Лучшіе умы изыскивали всевозможныя мѣры для улучшенія и поднятія нравственнаго и матеріальнаго быта въ государствѣ. Какъ мы говорили, они сильно расходились въ средствахъ достиженія намѣченной цѣли.

Характерной иллюстраціей этого положенія вещей является слѣдующая бесѣда Конфуція съ его учениками.

Однажды Конфуцій, подававшій всегда и во всемъ примѣръ своимъ согражданамъ, какъ слѣдуетъ повиноваться древнимъ религіознымъ постановленіямъ, отправился съ тремя учениками на гору Нунгъ для принесенія жертвы небу. На вершинѣ горы онъ остановился и сталъ смотрѣть на окрестности, причемъ лице его сдѣлалось грустнымъ. На вопросъ учениковъ, что съ нимъ и какая причина его грусти, онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ сдѣлалось грустно при мысли о бѣдственномъ положеніи отечества, когда я вспомнилъ, глядя на эти нивы, о раздирающихъ нашу родину распряхъ и усобицахъ. Всего же болѣе печалитъ меня трудность помочь бѣдствіямъ настоящимъ и отвратить грядущія. Не придумаемъ ли мы чего-нибудь сообща?!. прибавилъ онъ, немного спустя.—Теи! скажите вы первый ваше мнѣніе! обратился онъ къ одному изъ сопровождавшихъ его учениковъ.

— Я бы собралъ огромныя полчища и силою оружія смирилъ мятежниковъ! отвѣчалъ Теи.—Въ примѣръ другимъ

плѣнныхъ я предалъ бы казни и по водвореніи порядка водворилъ бы древнее благочестіе.

— Вы храбры, сказалъ Конфуцій.—Что сдѣлали бы вы? обратился онъ съ вопросомъ къ другому ученику.

— Я поступилъ бы иначе, отвѣчалъ тотъ. Въ настоящее время княжества Тси и Тсу въ явной враждѣ и готовятся къ войнѣ, тоже замѣчается и въ другихъ княжествахъ. Какъ только войска выступили бы въ поле, я вышелъ бы къ нимъ въ парадной одеждѣ и попросилъ бы ихъ внимательно выслушать меня. Тогда я постарался бы изобразить всѣми силами моего краснорѣчія всѣ бѣдствія войны и всѣ блага мира, я изобразилъ бы мрачными красками всѣ послѣдствія войны и плачевную участь, готовящуюся женамъ и дѣтямъ той и другой стороны. Можетъ быть, мои слова подѣйствовали бы на враждующія стороны, они заключили бы міръ и въ странѣ водворилось бы спокойствіе.

— Вы краснорѣчивы, отвѣчалъ Конфуцій. Затѣмъ онъ обратился къ третьему ученику. Тотъ отвѣчалъ:

Если бы я желалъ чего для блага людей, то конечно не царской власти. Я желалъ бы жить при добродѣтельномъ и мудромъ государѣ, который приблизилъ бы меня къ себѣ и которому я могъ бы быть полезенъ моими слабыми способностями. Призванный къ царю, я бы сказалъ ему: растенія хеунъ и йеу (самое душистое и самое смрадное) на одномъ полѣ не уживаются; великій Яо и низкій Кіе не могли бы править одновременно царствомъ, и я просилъ бы государя прежде всего удалить отъ себя льстецовъ и замѣнить ихъ людьми прямодушными и добродѣтельными и поручить имъ обучать народъ пяти верховнымъ обязанностямъ—человѣколюбію, правосудію, любви къ истинѣ, вѣрности и честности. Я сказалъ бы царю, что тогда ему не придется опасаться враговъ, не надо будетъ содержать многочисленныя войска и укрѣплять города—валы будутъ срыты, рвы засыпаны и превращены въ плодоносныя нивы, камни крѣпостныхъ стѣнъ будутъ употреблены на постройку общеполезныхъ зданій, а смертоносныя пушки перекуются на земледѣльческія орудія. Во-

ины обратятся въ мирныхъ гражданъ, искусные ораторы будутъ подавать благіе примѣры согражданамъ не словомъ, но дѣломъ... Тогда люди, мнѣ кажется, могли бы быть счастливы! Если я заблуждаюсь, прошу учителя наставить меня на путь истинный!

— Вы истинно мудры, отвѣчалъ глубоко тронутый Конфуцій. Въ словахъ ученика Конфуцій увидѣлъ высказаннымъ то, къ чему онъ самъ стремился впродолженіе столькихъ уже лѣтъ, но безуспѣшно.

ГЛАВА VI.

Конфуцій—государственный дѣятель. — Мѣры, предпринимаемыя имъ для увеличенія благосостоянія гражданъ.— Назначеніе его верховнымъ судьею.—Козни враговъ и отставка Конфуція.—Пребываніе Конфуція въ княжествахъ Веи и Сунгъ. — Скорбь его о постигающихъ его неудачахъ.—Ученіе Конфуція о бракѣ, семьѣ и т. д.

Наконецъ на 44-мъ году его жизни Конфуцію судьба улыбнулась. Смуты въ княжествѣ Лу стихли и князь назначилъ Конфуція правителемъ резиденціи и ея окрестностей. Здѣсь открылась обширная арена для дѣятельности философа. Конфуцій былъ неутомимъ и его мудрыя и благодѣтельныя распоряженія касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ быта подвѣдомственныхъ ему гражданъ. Прежде всего онъ занялся улучшеніемъ сельскохозяйственнаго быта народа. Для лучшаго выполненія этой задачи онъ старался сблизиться съ простымъ народомъ, часто вступалъ въ бесѣды съ нимъ и совѣщался, принимая во вниманіе всѣ справедливыя замѣчанія. Онъ ввелъ и улучшилъ послѣ тщательнаго изученія существовавшую уже при древнихъ правителяхъ систему подраздѣленій почвы по ея качествамъ и положенію. Почвы онъ раздѣлилъ на пять разрядовъ: 1) нагорныя земли и земли тощія, 2) низменныя и болотистыя, 3) песчаныя, 4) жирныя, суглинистыя, 5) при уходѣ и удобреніи дающія хорошія жатвы. Сообразно съ качествами почвъ, онъ указалъ, что гдѣ лучше сѣять, ввелъ сѣвообороты и плодоперемѣнное хлѣбопашество и опредѣлилъ съ точностью время посѣвовъ и жатвы. Однимъ словомъ возобновилъ и улучшилъ всѣ постановленія, изданныя древними богдыханами относительно сельскаго хозяйства. Кромѣ того онъ, узнавъ, что многія земли отведены богатыми людьми подъ кладбища, служившія вмѣстѣ и для увеселительныхъ прогу-

локъ, рѣшился искоренить этотъ вредный обычай и возвратить напрасно пропадающія земли земледѣлію.

— Кладбища, сказалъ онъ при этомъ, не должны быть мѣстами для гуляній. Древніе называли ихъ мѣстомъ слезъ и воздыханій. Пировать и веселиться на нихъ значитъ издѣваться надъ мертвыми. Мѣстами погребенія должны быть земли совершенно безплодныя, ихъ не слѣдуетъ обсаживать деревьями или обносить стѣнами. Когда кладбища не будутъ походить на сады, только тогда ихъ будутъ посѣщать ради искренняго уваженія къ памяти усопшихъ, а не изъ празднаго любопытства или отъ бездѣлья.

Благодаря этому разумному распоряженію много плодородныхъ земель стали обработываться, а не пропадать даромъ. И ко всѣмъ другимъ отраслямъ народнаго хозяйства Конфуцій относился столь же ревностно. Труды Конфуція не были напрасны и въ скоромъ времени привели къ самымъ благопріятнымъ результатамъ.

Подъ разумнымъ управленіемъ народъ постепенно улучшалъ свой матеріальный бытъ, а съ возростаніемъ богатства народа стало улучшаться и его нравственность. Въ воздаяніе заслугъ Конфуція князь назначилъ его верховнымъ судьею всего княжества, съ правомъ преобразованія старыхъ положеній и введенія новыхъ. Это назначеніе сдѣлало Конфуція вторымъ лицомъ въ княжествѣ по значенію и власти.

Въ новой должности онъ остался вѣренъ себѣ, строго преслѣдовалъ виновныхъ, какое бы положеніе они ни занимали, и награждалъ заслуживающихъ награды. Разскажемъ нѣсколько случаевъ изъ его судебной дѣятельности.

Онъ узналъ, что одинъ богатый землевладѣлецъ держалъ на откупу всю мясную торговлю и пріобрѣтая изъ первыхъ рукъ задешево гурты скота, продавалъ его въ розницу въ тридорога. Конфуцій, зная, что вся тяжесть этой монополіи падаетъ на одинъ только бѣдный классъ народа, рѣшился прервать зло въ самомъ корнѣ и призвалъ къ себѣ монополиста.

— Я слышалъ, сказалъ онъ ему,—что вы одинъ изъ первыхъ богачей въ городѣ. Мнѣ это было бы очень пріятно, если

бы вы пріобрѣли свои богатства трудомъ или честнымъ промысломъ; но я слышалъ, что они пріобрѣтены совершенно другимъ путемъ. За это вы заслуживаете строгаго наказанія, которое я однако смѣняю на милость, но съ условіемъ: вы должны возвратить народу все, что награбили у него. Возвращеніе это можетъ быть сдѣлано безъ ущерба для вашей чести. Изъ всего вашего богатства вы оставьте у себя столько, сколько вамъ нужно для безбѣднаго существованія, остальное же передайте мнѣ. Я съумѣю распорядиться имъ, какъ слѣдуетъ. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня: даю вамъ нѣсколько дней сроку!..

Откупщикъ повиновался требованію Конфуція и его богатство пошло на общественную пользу подъ названіемъ «добровольнаго приношенія».

Въ другой разъ къ мудрецу пришелъ отецъ съ жалобой на непокорнаго сына. Конфуцій присудилъ обоихъ къ тюрьмѣ на три мѣсяца.

По прошествіи срока онъ призвалъ обоихъ и спросилъ у отца, въ чемъ именно провинился его сынъ. Отецъ отвѣчалъ, что виноватъ не сынъ, а онъ самъ, что увлекся досадой на сына. Конфуцій похвалилъ его за простосердечное сознаніе и сказалъ:

— Впередъ лучше сами учите сына, а не обращайтесь къ судьѣ; вы-же, обратился онъ къ сыну, помните, что первый нашъ долгъ — повиновеніе родителямъ!

Но не всегда Конфуцій употреблялъ кроткія мѣры: въ важныхъ случаяхъ онъ не останавливался и передъ смертною казнью. Напримѣръ, при вступленіи въ новую должность, онъ предалъ смертной казни одного изъ первѣйшихъ сановниковъ княжества, виновнаго въ разнаго рода злоупотребленіяхъ. Самъ онъ такъ говорилъ объ обязанностяхъ судьи:

— Судья, предающій наказанію каждаго, кто только нарушилъ законъ, подобенъ полководцу, который предаетъ грабежу завоеванный городъ, взятый приступомъ. Преступникъ простолюдинъ чаще бываетъ полувиновенъ, а нерѣдко и совсѣмъ невиновенъ по той причинѣ, что не знаетъ своихъ обязан-

ностей. Самаго строгаго наказанія заслуживаютъ преступники высшихъ классовъ за то, что подаютъ дурной примѣръ народу, и правительственныя лица, не внушающія своимъ подчиненнымъ учить народъ. Снисхожденіе къ такимъ преступникамъ есть несправедливость и криводушіе. Казните, говорится въ древнихъ книгахъ, наказывайте смертью тѣхъ, которые заслуживаютъ того за вину важную и сознательную. Сперва надо учить народъ, и тогда уже въ случаѣ сознательнаго неповиновенія наказывать его!

Конфуцій придерживался строго этихъ правилъ въ судебной практикѣ. Но не только какъ мудрый судья, возвысившій въ странѣ уваженіе къ власти и законамъ былъ полезенъ Конфуцій своему государю и родинѣ, онъ также оказывалъ большія услуги, какъ проницательный и хорошо знающій людей политикъ. Не разъ онъ выручалъ и спасалъ князя отъ серьезныхъ опасностей и ковъ, строемыхъ его противниками. Княжество Лу благодаря Конфуцію усилилось. Это усиленіе могущества князя Лу вызвало опасенія и зависть со стороны сосѣднихъ княжествъ.

Они всѣми мѣрами старались подорвать вліяніе Конфуція на князя и вызвать немилость послѣдняго къ философу. Одна изъ этихъ мѣръ имѣла успѣхъ. Князю Лу, въ видѣ подарка, были присланы 120 превосходныхъ лошадей и 13 красивыхъ дѣвушекъ-танцовщицъ и пѣвицъ, для развлеченія и забавы. Князь такъ увлекся ими, что пересталъ обращать вниманіе на Конфуція, а вскорѣ и совсѣмъ разгнѣвался на него благодаря какому-то неловкому замѣчанію философа. Тогда Конфуцій покинулъ княжество Лу и опять пустился въ странствованія вмѣстѣ съ своими учениками. По прежнему онъ переходилъ изъ княжества въ княжество и повсюду распространялъ свое ученіе. Встрѣчали преобразователя, какъ и прежде, радушно, съ подобающими почестями, но этимъ дѣло и ограничивалось.

Попытка Конфуція склонить правителей посѣщаемыхъ имъ княжествъ къ принятію проповѣдуемаго имъ ученія и введенію преобразованія повсюду встрѣчали ледяное равно-

душіе—большинство умовъ того времени не было еще приготовлено къ мирной реформѣ и болѣе вѣрило въ силу оружія.

Побывавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, философъ прибылъ въ княжество Вей. Князь Вей выѣхалъ на встрѣчу знаменитому мудрецу, ласково привѣтствовалъ его, назначилъ ему для жилища одинъ изъ своихъ дворцовъ и далъ ежегодное содержаніе въ 1.000 мѣръ рису. Не смотря однако же на эти милости и вниманіе къ Конфуцію со стороны князя, философъ былъ не совсѣмъ доволенъ княземъ. Послѣдній любилъ бесѣдовать съ нимъ и слушать его наставленія, но ни въ чемъ не слѣдовалъ имъ, когда же наконецъ мудрецъ прямо попытался склонить князя къ принятію его ученія, тотъ отказался на отрѣзъ.

Конфуцій выразилъ свою скорбь о постигающихъ его неудачахъ въ слѣдующей элегіи:

«Ароматъ цвѣтка лан-хоа упоителенъ; кромѣ аромата многія полезныя свойства заставляютъ насъ высоко цѣнить его. Къ сожалѣнію, цвѣтокъ этотъ очень нѣженъ: онъ блекнетъ отъ легчайшаго дуновенія и отрывается отъ стебля. Что дѣлается тогда съ бѣднымъ цвѣткомъ? Игрушка вѣтровъ, носится онъ по пространству земли, изъ стороны въ сторону, покуда не найдетъ уголка, гдѣ пріютиться. Но и здѣсь въ пустынѣ истлѣетъ цвѣтокъ безплодно и обратится въ прахъ. Мудрость для людей, умѣющихъ ее воздѣлывать, дастъ прочныя, истинныя наслажденія; она, по настоящему, должна бы быть цѣлью всѣхъ нашихъ желаній и помысловъ... Но бурныя страсти враждебны ей, какъ буря цвѣтку: страсти гонятъ мудрость — и нѣтъ ей пріюта. Неужели же, воистину, она не найдетъ себѣ пристанища? Дни мои на исходѣ: скоро окончится мой жизненный путь; пора мнѣ найти пристанище.—Мудрому хорошо вездѣ: вся земля его достояніе!»

Но кромѣ равнодушія философу приходилось выносить явное презрѣніе и даже преслѣдованіе и насиліе.

Въ княжествѣ Сунгъ, куда прибылъ Конфуцій изъ Вей, находилась за городомъ пустынная поляна, на которой росло большое тѣнистое дерево. На этой полянѣ любилъ бесѣ-

довать Конфуцій съ своими учениками и другими слушателями, приходившими къ нему во множествѣ. Въ своихъ бесѣдахъ Конфуцій касался всѣхъ сторонъ нравственнаго и религіознаго быта. Для болѣе полной обрисовки личности Конфуція и его философіи мы приведемъ еще нѣсколько изъ его поученій.

Вотъ какъ онъ, напримѣръ, училъ о бракѣ, о семьѣ, о положеніи въ ней женщины и мужчины и т. д.

Древніе полагали возрастъ для брака не старше 30 лѣтъ для мужчины и 20 лѣтъ женщины. Настоящая же, самая лучшая пора для женитьбы 20 лѣтъ для мужчины, и 15 лѣтъ для женщины. Бракъ есть первая обязанность человѣка и его естественное призваніе и назначеніе. Обязанности супруговъ дѣлятся на общія и частныя. Мужъ—голова—онъ повелѣваетъ, жена повинуется. Онъ—небо, она—земля.

Основами супружества должны быть взаимныя довѣріе, честность и уваженіе, власть и руководство со стороны мужа, повиновеніе и покорность со стороны жены во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ не нарушаетъ правилъ справедливости, приличія и чести. Въ общественной жизни жена всѣмъ обязана мужу. Смерть его не дѣлаетъ ея независимой. Въ дѣвицахъ она зависѣла отъ родителей, а если была сиротою, отъ братьевъ или попечителей, замужемъ она подчиняется мужу; вдовою—зависитъ отъ сына. Сынъ—хранитель вдовой матери отъ искушеній, добраго имени ея отъ нареканій. Обычай воспрещаетъ женщинѣ вторичное замужество и вдова обязана посвятить себя уединенію. Внѣ дома—у нея не должно быть никакихъ дѣлъ; даже и въ домашнія дѣла она должна входить насколько нужно, и то, если дѣти малолѣтны. При совершеннолѣтнихъ дѣтяхъ вмѣшательство вдовы—напрасное ихъ стѣсненіе. Днемъ она не должна выходить изъ своей комнаты: ночью же спальня ея должна быть всегда освѣщена. Такъ должна вести себя вдова, еже ли хочетъ заслужить уваженіе дѣтей и сограждань. Періодъ отъ 15—20 лѣтъ самый удобный для выхода замужъ. Не надо забывать, что отъ брака зависитъ вся судьба женщины, а потому выборъ мужа тре-

буетъ большой осмотрительности. Дѣвица не должна вступать въ бракъ: 1) съ членомъ семьи, замѣшанной въ заговорѣ противъ правительства, 2) семьи съ разстроенными дѣлами или въ которой царствуетъ раздоръ; 3) съ нарушителемъ закона или бывшимъ подъ судомъ; 4) съ одержимымъ хронической болѣзнью или какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ; 5) съ человѣкомъ, на которомъ лежитъ забота о многочисленной семьѣ, о братьяхъ, сестрахъ, теткахъ и т. д. Мужъ имѣетъ право отпустить отъ себя жену, но не иначе какъ по уважительной причинѣ; причинъ же такихъ семь: 1) неповиновеніе жены свекру или свекрови, 2) безплодіе, 3) непристойное поведеніе или нарушеніе супружеской вѣрности, 4) внесеніе ею въ семью мужа вражды и ссоръ; 5) болѣзнь жены, внушающая къ ней отвращеніе, 6), болтливость и склонность и 7), если жена обокрадетъ мужа. Мужъ не имѣетъ права развестись съ женой, хотя она того и заслуживаетъ, во 1-хъ, когда она не имѣетъ никого изъ родныхъ, во 2-хъ— когда она провинилась предъ мужемъ во время траура по свекру или свекрови, и 3-хъ—когда мужъ, женясь на ней въ бѣдности, разбогатѣлъ во время сожительства съ нею.

Правила, преподанныя Конфуціемъ относительно брака, строго примѣняются въ Китаѣ и понынѣ.

Въ другой разъ Конфуцій высказалъ свой взглядъ на управленіе народомъ. Одинъ изъ учениковъ былъ назначенъ градоправителемъ и обратился къ своему учителю за совѣтами и указаніями. Конфуцій сказалъ ему:

— Будьте всегда прилежны въ дѣлахъ и внимательны, старайтесь отличать ложь отъ правды и истину отъ вѣроятія. Будьте справедливы, безкорыстны, вѣрны самому себѣ. Правосудіе не вѣдаетъ лицепріятія. Безкорыстіе—путь къ справедливости: корыстолюбецъ не можетъ быть справедливымъ; всякое приношеніе и всякій даръ отъ низшихъ, подъ какимъ бы предлогомъ они ни были сдѣланы, есть гнусная кража. Будьте всѣмъ доступны. Не показывайте никому мрачнаго лица, будьте со всѣми привѣтливы, обходительны и ласковы. Рѣшеніемъ дѣла не спѣшите; обсуждайте его со всѣхъ сторонъ.

Ежегодно собирайте четыре раза народъ и объясняйте ему его обязанности. Если простой народъ не знаетъ, что онъ долженъ дѣлать, то виноватъ ли онъ, если не исполняетъ того, что долженъ? Можно ли взыскивать за нарушеніе закона съ того, кто не вѣдаетъ о существованіи закона. Не отвлекайте простой народъ отъ полевыхъ работъ, заставляя трудиться надъ исправленіемъ дорогъ и мостовъ. Всему свое время!

Въ другой разъ Конфуцій далъ слѣдующее опредѣленіе человѣка и его обязанностей:

— Человѣкъ отличался отъ прочихъ существъ разумомъ, дарованнымъ ему отъ неба. Частицы отца и матери, соединяясь въ предназначенномъ для того органѣ, суть причины нашего бытія, ибо соединеніе двухъ началъ—источникъ всего сущаго. Новорожденный не есть человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ дѣлается человѣкомъ тогда, когда небо одаритъ его разумомъ и способностью мыслить. Пока это разумное существо пользуется своими тѣлесными и умственными способностями, оно живетъ, но какъ только оба начала (духовное и тѣлесное) разъединяются—оно умираетъ. Постепенно развивается человѣкъ, также постепенно и разрушается. Но это разрушеніе не конечно, оно есть только разложеніе тѣла на составныя части, изъ которыхъ каждая возвращается къ своему началу: разумъ возвращается къ своему источнику, душа сливается съ воздухомъ, твердыя и жидкія частицы тѣла обращаются въ землю и въ воду; человѣкъ, какъ учили древніе мудрецы, есть существо особенное, совмѣщающее въ себѣ качества всѣхъ прочихъ существъ. Между прочимъ онъ обладаетъ способностью совершенствоваться или развращаться, смотря по доброму или злому употребленію своей воли. За злыя дѣянія онъ заслуживаетъ наказанія, за добрыя—награды. Таковъ человѣкъ!

Людей Конфуцій дѣлилъ на пять разрядовъ, смотря по ихъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Къ первому низшему разряду онъ причислялъ всего чаще встрѣчающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, людей, которые говорятъ только для того, чтобы говорить, не

думая о томъ, говорятъ-ли они дѣло или пустяки, людей привычки, живущихъ жизнью чисто животной изо-дня въ день, не умѣющихъ ничего сдѣлать безъ указанія. Понятія этого разряда людей, по мнѣнію Конфуція, далѣе глазъ, ушей и рта не простираются. Ко второму разряду онъ причисляетъ грамотныхъ, образованныхъ людей, на столько развитыхъ, что они способны имѣть понятія о вещахъ, недоступныхъ понятіямъ простаго народа. Эти люди живутъ сознательною жизнью, соображаясь съ законами и обычаями. Къ третьему разряду принадлежатъ люди здраваго смысла, которые ни въ чемъ не отступаютъ отъ него. Они одинаковы въ горѣ и въ радости, невозмутимы, добродѣтельны, умѣютъ говорить и молчать. Этихъ людей Конфуцій называлъ философами. Четвертый разрядъ составляютъ люди прямодушные и истинно-добродѣтельные и наконецъ самый малочисленный пятый разрядъ—люди совершенные во всѣхъ отношеніяхъ. Только такіе люди и могутъ стоять въ главѣ государства, говоритъ Конфуцій.

Въ подобнаго рода бесѣдахъ и поученіяхъ проводилъ Конфуцій свое время. Число его учениковъ за это время достигало до 3.000 человѣкъ, кромѣ случайныхъ слушателей. Собранія людей, стекавшихся послушать мудраго философа съ каждымъ днемъ увеличивались. Но и изъ княжества Сунгъ философъ принужденъ былъ удалиться. Военачальникъ князя Сунгъ, недовольный этими сборищами и считая Конфуція за нарушителя общественнаго спокойствія, велѣлъ разогнать учениковъ и слушателей, а дерево срубить.

Конфуцій вновь пустился въ странствованія и скоро проникъ въ княжество Тсаи, но прожилъ тамъ безъ всякой пользы. Въ сосѣднемъ княжествѣ Чженъ ему удалось спасти жизнь 3-хъ приговоренныхъ къ смертной казни преступниковъ. Князь Чженъ отнесся къ философу весьма благосклонно, но его министры изъ зависти и боязни опаснаго соперника заключили Конфуція вмѣстѣ съ учениками въ темницу. Въ ней философъ просидѣлъ впродолженіе недѣли, затѣмъ былъ освобожденъ войсками сосѣдняго княжества. Конфуцій

мужественно перенесъ всѣ эти невзгоды и даже находилъ силу духа утѣшать учениковъ. Освобожденный изъ плѣна, Конфуцій вмѣстѣ съ учениками посѣтилъ священную гору Тайшанъ,—мѣсто жертвоприношеній древнихъ царей, во времена Конфуція почти забытое и запущенное. Видъ этого запущеннаго мѣста повергъ Конфуція въ глубокое и грустное раздумье. Въ это время въ душѣ его опять возникло сомнѣніе въ себѣ самомъ и боязнь за будущность ученія, а также сильное разочарованіе въ людяхъ. Подъ вліяніемъ такихъ мрачныхъ мыслей, Конфуцій сказалъ ученикамъ:

— До вершины горы не достигнешь, не проходя крутыми и извилистыми тропинками; доступъ къ добродѣтели не обходится безъ трудовъ и усилій. Не знать дороги и пускаться въ нее безъ надежнаго проводника значитъ подвергаться опасности заблудиться и даже погибнуть. Я хотѣлъ войти на вершину Тай-Шана, чтобы еще разъ насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, открывающемся съ нея на всѣ четыре стороны свѣта. Меня не испугали ни высота горы, ни покрывающія ея густыя деревья, ни обрывы, ни пропасти: я зналъ, что въ лѣсахъ есть тропинки, а надъ обрывами построены мосты и былъ спокоенъ!.. Но, увы!.. Я обманулся: тропинки исчезли подъ волчцомъ и терніемъ; подъ ними трудно разобрать, куда какая тропинка ведетъ, мосты обветшали, многіе даже рухнули... Мнѣ ли подъ силу прокладывать новыя тропинки. строить новые мосты?.. Гдѣ необходимыя для того орудія?.. Страсти заглушили всѣ всходы посѣвовъ добродѣтели,—могу ли я очистить ихъ отъ этихъ сорныхъ травъ? Тщетны были мои усилія направить стопы людей на путь добродѣтели! Послѣ всѣхъ неудачъ единственный мой удѣлъ—слезы и стенанія!..

ГЛАВА VII.

Возвращеніе на родину.—Послѣдніе годы жизни Конфуція.—Окончаніе его историческихъ трудовъ.—Смерть его и погребеніе.—Почести, оказанныя Конфуцію послѣ смерти.

Послѣ долгихъ странствованій Конфуцій вернулся домой въ княжество Лу. Здѣсь онъ узналъ, что его жена умерла. Услышавъ это печальное извѣстіе, философъ сказалъ:

— Супруга моя скончалась и я скоро послѣдую за ней. Мнѣ 66 лѣтъ отъ роду. Надобно однако-же остатокъ дней моихъ употребить съ пользою. Утѣшьте сына моего и постарайтесь, чтобы онъ не слишкомъ предавался скорби.

Послѣдніе годы своей жизни мудрецъ почти всецѣло посвятилъ занятіямъ съ учениками. Въ окрестностяхъ города на полянѣ было нѣсколько холмовъ, служившихъ нѣкогда алтарями для жертвоприношеній, впослѣдствіи же превращенныхъ въ мѣста для гуляній: эти холмы были обстроены павильонами и въ нихъ то Конфуцій занимался съ учениками. Одинъ изъ холмовъ, наиболѣе любимый и чаще посѣщаемый философомъ, сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ «абрикосоваго кургана». Здѣсь Конфуцій окончательно привелъ въ порядокъ древнія священныя книги, а также и свои сочиненія. Изъ 3000 учениковъ 72 могли со словъ учителя объяснять законы музыки и изящныхъ художествъ: правила же мудрости и добродѣтели въ состояніи были передавать людямъ только двѣнадцать учениковъ. Эти ученики стояли всего ближе къ Кунфуцію и знали всѣ его завѣтныя думы и помыслы. Изъ нихъ, любимѣйшимъ былъ Іенъ-хоей, на котораго Конфуцій смотрѣлъ какъ на своего преемника, но онъ умеръ ранѣе учителя. Разъ, прогуливаясь съ тремя учениками, Конфуцій приблизился къ

одному кургану, который по словамъ исторіи былъ насыпанъ по повелѣнію древняго военачальника въ благодарность за одержанную побѣду. При видѣ этого кургана Конфуцій сдѣлался печальнымъ. Озабоченные ученики спросили его, не боленъ ли онъ, приписывая причину его грусти нездоровью. Конфуцій отвѣчалъ:

— Успокойтесь, я совершенно здоровъ, но видъ этого кургана пробудилъ во мнѣ грустныя мысли о бренности славы человѣка. Подайте мнѣ кинъ, я пропою вамъ пѣснь скорби: Зной смѣняется холодомъ, весна и лѣто—осенью. Солнце восходитъ затѣмъ, чтобы течь на западъ; рѣки стремятся съ востока, чтобы ввергнуться въ неизмѣримое море. Однако же за осенними холодами опять являются тепло и зной; солнце, закатясь на западѣ, снова восходитъ на востокѣ и воды рѣчныя, ввергающіяся въ море, смѣняются новыми водами. Но что же сталось съ героемъ, воздвигшемъ этотъ курганъ, гдѣ его боевой конь, гдѣ его спутники на ратномъ полѣ? Увы, единственнымъ слѣдомъ ихъ бытія осталась земляная насыпь, поросшая сорными травами.

Въ другой разъ, разбирая книгу превращеній великаго Фу-си-шы, Конфуцій задумался надъ символомъ Сун-и или знакомъ разрушенія и возрожденія.—Всему свое время, сказалъ философъ ученикамъ—все на свѣтѣ измѣняется, и исчезаетъ, чтобы появиться въ новомъ видѣ, но и за обновленіемъ слѣдуетъ обветшаніе, разрушеніе, а тамъ опять обновленіе и такъ до безконечности.

Видимо, мысли о смерти все чаще и чаще стали посѣщать престарѣлаго философа. Имѣя отъ роду болѣе 70 лѣтъ, онъ еще разъ посѣтилъ священную гору Тай-шанъ, чтобы тамъ помолиться небу. Предвидя скорый конецъ своему земному поприщу, Конфуцій хотѣлъ возблагодарить небо за всѣ его щедроты и милости. Онъ собралъ всѣхъ своихъ учениковъ и привелъ ихъ къ одному изъ холмовъ, окружавшихъ городъ. Здѣсь они воздвигли алтарь и возложили на него шесть книгъ, написанныхъ Конфуціемъ, причемъ мудрецъ, преклонивъ колѣна и ставъ лицомъ къ сѣверу, помолился небу. Чрезъ нѣсколько

дней онъ опять созвалъ своихъ учениковъ и объявилъ имъ свою послѣднюю волю.

— Созываю васъ въ послѣдній разъ, сказалъ онъ,—постарайтесь запомнить слова мои, въ нихъ мое завѣщаніе. Какъ бы ни былъ уменъ и образованъ человѣкъ, онъ не можетъ быть геніемъ всеобъемлющимъ. У каждаго человѣка между остальными способностями, непремѣнно есть одна, примѣняя которую къ дѣлу, онъ можетъ быть истинно полезенъ на поприщѣ, избранномъ согласно этой способности. Увлеченіе одной способностью въ ущербъ другой, болѣе развитой, выборъ должности, неподходящей къ характеру, являются источникомъ многихъ золъ и ошибокъ. Мы давно уже знаемъ другъ друга и не со вчерашняго дня я вашъ учитель. Я, какъ могъ, исполнялъ мои священныя обязанности по отношенію къ вамъ; вы, въ свою очередь, дѣлили со мною труды и заботы и опытомъ убѣдились въ томъ, что знанія и мудрость даются не легко и что не менѣе трудно выполнять человѣку его назначеніе. При нынѣшнемъ безотрадномъ положеніи вещей въ государствѣ, при нежеланіи большинства принять преобразованія въ правахъ, обычаяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ— не надѣйтесь на успѣшное распространеніе моего ученія. Вы сами видите, во многомъ ли я успѣлъ. Завѣщаю вамъ мои книги, какъ драгоцѣнный сводъ знаній и правилъ мудрости.— въ нихъ залогъ будущаго успѣха моего ученія. Книги эти вы должны передать потомству во всей чистотѣ. Для того, чтобы успѣшнѣе выполнить завѣтъ мой, вы должны раздѣлить предстоящіе вамъ труды сообразно вашимъ способностямъ. Менгцзы, Ян-не-піеу и Чжун-кунгъ, вамъ я препоручаю отдѣлъ нравоученій; Тсан-иго и Тен-кунгъ, вы, имѣющіе даръ краснорѣчія, возьмете на себя отдѣлъ краснорѣчія; Ян-йеу и Ки-лу, какъ люди свѣтскіе, опытные въ наукѣ правленія, вы займите государственныя должности для непосредственнаго сближенія съ народомъ и его просвѣщенія: Тен-юнгъ и Тен-хіа, знатоки древности, пусть посвятятъ себя наукамъ и преподаванію народу правилъ обрядовъ и древняго благочестія. Такимъ образомъ каждый изъ васъ исполнитъ завѣтъ мой и будетъ вѣренъ своему призванію.

За нѣсколько дней до смерти философъ былъ во дворцѣ и смотрѣлъ съ высокой башни дворца на *народный праздникъ духовъ земли*. Это былъ праздникъ въ честь восьми духовъ земли (Та-ча), подателей плодовъ, овощей, хлѣба и всѣхъ вообще ея произведеній; онъ совершался два раза въ годъ въ дни весенняго и осенняго равноденствій. Народъ ѣлъ, пилъ, пѣлъ пѣсни и плясалъ,—однимъ словомъ, веселился отъ души. Философъ, смотря на это зрѣлище, сказалъ бывшему при немъ ученику Тен-кунгу:

Меня радуетъ, что народъ на время забылъ о своихъ бѣдствіяхъ и считаетъ себя, хотя и не на долго, довольнымъ и счастливымъ!..

— Не лучше ли бы сдѣлалъ народъ, если бы, вмѣсто пьянства и траты времени на непристойныя забавы, онъ молился бы духамъ и приносилъ имъ благодарственныя жертвы? отвѣчалъ вопросительно ученикъ.

— Вы правы, замѣтилъ Конфуцій,—народу слѣдовало бы благодарить небо за дарованныя милости и просить новыхъ; но плясками и весельемъ онъ и выражаетъ свою благодарность. Не осуждайте его за праздность: это отдыхъ послѣ непрерывной стодневной работы. Неустанная работа изнуряетъ и тѣло и душу, какъ ослабляется постоянно натянутая тетива у лука!

Этотъ же самый ученикъ былъ свидѣтелемъ и послѣднихъ минутъ учителя.

— Упадаютъ мои силы, говорилъ Конфуцій,—и уже не поправиться мнѣ!

Затѣмъ проливая слезы, онъ прибавилъ:

— Нѣтъ у меня силы поднять голову, чтобы взглянуть на вершину Тай-Шана!.. Члены мои—какъ подгнившія стропила зданія; я поблекъ, какъ трава!.. Кто послѣ моей смерти возьметъ тяжкій трудъ поддержать мое ученіе?!.

Эти слова сожалѣнія, что некому будетъ поддержать его завѣтовъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и его послѣдними словами. Вскорѣ онъ впалъ въ усыпленіе и послѣ семидневнаго безсознательнаго состоянія скончался на 73 году жизни, въ

479 году до Р. Х. При совершеніи похоронъ Конфуція, строго придерживались древнихъ обрядовъ.

Сынъ его умеръ ранѣе отца, а внукъ Тси-сеи былъ еще малолѣтенъ и не могъ принять участія въ погребальныхъ обрядахъ, вслѣдствіе чего эту обязанность приняли на себя два ученика покойнаго философа.

Закрывъ глаза усопшаго, они вложили ему въ ротъ три щепотки рису и облекли трупъ въ одиннадцать различныхъ одѣяній; изъ нихъ верхнее было то, въ которомъ покойный мудрецъ являлся обыкновенно ко двору. На голову надѣли шапку ввидѣ тѣхъ шапокъ, какія присвоены государственнымъ министрамъ. Почетный знакъ, медальонъ изъ слоновой кости, повѣсили на шею трупа на шнуркѣ, ссученномъ изъ пяти разноцвѣтныхъ нитей. Одѣтый такимъ образомъ трупъ положили въ двойной гробъ изъ четырехдюймовыхъ досокъ и поставили на катафалкъ подъ балдахиномъ. Вокругъ катафалка были разставлены трехугольные значки, а въ изголовьи четыреугольная хоругвь. Послѣ того ученики отъ имени внука покойнаго купили участокъ земли въ 100 саж. На этомъ участкѣ были насыпаны три земляные, куполовидные кургана; изъ нихъ средній, предназначенный для погребенія былъ сдѣланъ выше боковыхъ. На немъ посадили дерево Кіале, изсохшій стволъ котораго сохраняется донынѣ.

При погребеніи присутствовали родственники и ученики Конфуція. Предавъ землѣ тѣло покойнаго, ученики дали обѣщаніе почтить память учителя трехлѣтнимъ трауромъ. Тсекунгъ наложилъ на себя шестилѣтній трауръ, впродолженіе котораго жилъ на могилѣ своего учителя въ нарочно выстроенной хижинѣ. Прибывшіе на похороны съ разныхъ концовъ Китая ученики привезли съ собою каждый по дереву и посадили деревья эти вокругъ гробницы. Сто человѣкъ съ семействами поселились близь мѣста вѣчнаго успокоенія мудреца и образовали деревню, названную Кунг-ли, причемъ объявивъ покойнаго своимъ господиномъ, просили его внука счи-

тать ихъ своими крѣпостными. Когда князю Лу принесли извѣстіе о кончинѣ Конфуція, онъ воскликнулъ:

— Небо прогнѣвалось на меня!... Я лишился неоцѣненнаго сокровища!

Желая, хотя бы послѣ смерти философа, чѣмъ-нибудь загладить причиненную при жизни ему несправедливость и обиды, князь приказалъ построить близъ гробницы Конфуція часовню въ память его, точно такую-же, какія обыкновенно воздвигались князьями въ память ихъ предковъ, чтобы въ этой часовнѣ всѣ ученики и послѣдователи Конфуція могли воздавать почести памяти великаго человѣка по существующимъ обрядамъ. Въ часовнѣ поставили портретъ Конфуція, положили на алтарь его сочиненія, по стѣнамъ развѣсили его парадныя одѣянія и музыкальные инструменты, тутъ же поставили его домашнюю мебель и дорожную колесницу. Открытіе часовни было необыкновенно торжественно. Князь Лу призналъ Конфуція своимъ учителемъ. Ученики уговорились разъ въ годъ приходить къ гробницѣ учителя на поклоненіе ему и на богомолье. Въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ это обыкновеніе соблюдалось и соблюдается до нынѣ. Кромѣ того, почти въ каждомъ городѣ воздвигли впослѣдствіи часовню въ память мудреца. При первомъ богдыханѣ изъ династіи Ганъ (за 200 лѣтъ до Р. Х.) обрядъ воспоминанія былъ признанъ обязательнымъ и для государей. Съ этого времени на философа стали смотрѣть, какъ на святого, и воздавать ему божескія почести.

Впослѣдствіе было установлено, чтобы каждый ученый, приступая къ экзаменамъ на ученую степень, или мандаринъ, вступающій въ государственную службу, непремѣнно поклонялся памяти Конфуція въ посвященныхъ ему часовняхъ. Постановленіе это было введено въ 998 году по Р. Х. почти чрезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ смерти Конфуція. Кромѣ сооруженія часовень въ честь преобразователя, князь Лу далъ ему прозвище отца Ни. При династіи Ганъ ему дали титулъ *кунга* (герцога, свѣтлости) при династіи Тангъ—титулъ перваго святого, а впослѣдствіи—императорскаго проповѣд-

ника. При династіи Мингъ ему дали прозваніе святѣйшаго, мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ учителей рода человѣческаго. Живописныя и скульптурныя изображенія его повелѣно было увѣнчивать императорской шапкой и облачать въ царскія одежды. Эта высшая степень почета неизмѣнно соблюдается и понынѣ. Потомки Конфуція были возведены въ званіе потомственныхъ дворянъ. При императорѣ Кон-хи ихъ насчитывалось до 11,000 человѣкъ мужескаго пола.

ГЛАВА VIII.

Успѣхъ ученія Конфуція.—Причины этого успѣха.—Характеристика Конфуція и его ученія.

Какъ мы видимъ, опасенія Конфуція, высказываемыя имъ передъ смертью и не разъ впродолженіе его дѣятельности, что некому будетъ поддержать и распространить его ученіе, ввиду окружавшей его распущенности нравовъ и ослабленія государственной жизни, были не основательны.

Вмѣсто того, чтобы заглохнуть вмѣстѣ со смертью Конфуція, оно получило необыкновенный ростъ и укоренилось навсегда въ народномъ сознаніи.

Почему же это такъ? Конфуцій, какъ реформаторъ, не похожъ на другихъ подобныхъ дѣятелей въ исторіи: онъ не внесъ въ жизнь своего народа чего-либо новаго, что было бы плодомъ его внутренней умственной и духовной работы. Онъ и самъ не выдавалъ себя за творца и провозвѣстника новаго ученія, чѣмъ онъ и не былъ на самомъ дѣлѣ. Все, о чемъ онъ училъ и проповѣдовалъ, было раньше возвѣщено древними мудрецами и жило въ сознаніи массы, хотя и въ полузаглохшемъ состояніи подъ давленіемъ тяжелаго государственнаго положенія. Самъ Конфуцій, когда его спросили—не лучше-ли будетъ, если онъ упроститъ и нѣсколько смягчитъ свое ученіе, такъ какъ оно не имѣетъ успѣха быть можетъ потому, что его начала слишкомъ высоки, чисты и недоступны для большинства?—сказалъ:

— Мое ученіе есть ученіе, завѣщанное намъ нашими праотцами. Я не имѣю права ни прибавлять къ нему, ни убавлять чего-либо. Я передаю его во всей первобытной чистотѣ. Въ отношеніи къ моему ученію я тоже, что сѣятель

къ сѣямымъ имъ сѣменамъ. Можетъ ли сѣятель придать сѣмени иную форму или заставить его дать раньше опредѣленнаго времени ростокъ, всходъ и жатву? Дѣло сѣятеля посадить сѣмена въ землю, поливать ихъ, заботиться о нихъ—все же прочее не въ его власти...

— Мое ученіе не прямой, обычный путь, говоритъ онъ, указывая этими словами, по объясненію комментаторовъ, на трудность и медленность распространенія его ученія; оно неизмѣнно какъ небо,—которое есть его творецъ, и текло какъ потекъ отъ древнихъ временъ Яо и Шуна. Но не смотря на такія трудности его ученіе вполнѣ отвѣчало народному духу и воззрѣнія Конфуція вполнѣ согласовались съ воззрѣніями массы. Конфуцій воплотилъ въ себѣ полнѣйшее отраженіе китайскаго народнаго характера со всѣми его достоинствами и недостатками. Онъ былъ чистокровнѣйшій китаецъ, «китаецъ изъ китайцевъ», полнѣйшій выразитель народнаго духа, его міросозерцанія. Китаецъ по своимъ воззрѣніямъ прежде всего былъ и есть реалистъ. Онъ и мыслью и чувствами всецѣло привязанъ къ непосредственному, видимому и осязаемому. Все идеальное, все, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, ему, повидимому, совершенно чуждо. Китаецъ въ своей жизни руководится исключительно однимъ сухимъ расчетомъ, онъ до крайности сухъ и безъидеенъ. Само воображеніе у китайца развито гораздо менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Такой же сухой, раціоналистическій характеръ безъ малѣйшаго слѣда идеализма видимъ мы и въ ученіи Конфуція и въ самомъ Конфуціи. Вотъ почему уставы и формы, заведенные Конфуціемъ, пережили всѣ перевороты и всякая попытка замѣнить отжившую старину новыми и лучшими учрежденіями всегда отвергалась съ презрѣніемъ китайцами, такъ какъ «князь мудрости все преподалъ, все сказалъ, все постигъ». Вотъ почему ученіе его было принято и проникло въ кровь и плоть народа безъ всякихъ потрясеній и кровопролитій и всѣ китайцы безъ различія вѣроисповѣданія—конфуціанцы.

Одинъ изъ послѣдователей и родственниковъ Конфуція

характеризируетъ личность Конфуція слѣдующими словами: «лишь одинъ онъ владѣетъ всѣми качествами мудреца, какія только существуютъ въ поднебесномъ мірѣ—великодушный, кроткій, благородный, добродѣтельный, съ всепроникающимъ умомъ, съ всеобъемлющимъ знаніемъ, спокойный въ затрудненіяхъ и ясный въ распознаваніи вещей, твердый и непоколебимый; онъ—небо и земля, которыя все питаютъ и поддерживаютъ; онъ—четыре времени года въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ, онъ—солнце и луна. Глубокій и дѣятельный, какъ источникъ живой воды, распространяющій вокругъ себя благодѣянія, онъ подобенъ безднѣ и обширенъ какъ небо. Таковъ онъ, и вся природа почитаетъ его, вѣритъ ему и преклоняется предъ нимъ. Слава его имени распространилась по всему Срединному царству и доходитъ до народовъ Мань-ма. Повсюду гдѣ плаваютъ суда, ѣздятъ колесницы, куда проникаетъ человѣческая сила, гдѣ только простирается покровъ неба, поддерживаемый землей, гдѣ только свѣтятъ солнце и луна, гдѣ падаютъ роса и иней, всѣ, кто живетъ и дышетъ, славятъ и любятъ его».

Также смотрятъ на своего «святѣйшаго, мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго» учителя и всѣ китайцы. Онъ дорогъ имъ, потому что былъ прежде всего практикъ. Какъ мы видѣли, онъ не любилъ разсуждать о томъ, что выше дѣйствительности и осязаемости. Темами его бесѣдъ чаще всего были древняя исторія, народныя пѣсни, и древніе обряды; лишь изрѣдка касался онъ въ своихъ бесѣдахъ высшихъ предметовъ и при этомъ избѣгалъ всякихъ метафизическихъ отвлеченностей.

— Я предпочитаю о многомъ не говорить, сказалъ онъ своимъ ученикамъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, и это онъ считалъ достоинствомъ и признакомъ мудрости.

Вотъ какъ онъ характеризуетъ истинный типъ мудреца:

— Истинный мудрецъ не является на пиршества не приглашенный, чтобы блистать на нихъ; но онъ ждетъ, чтобъ его пригласили. Будучи приглашенъ, подобно прочимъ, онъ сообразуется съ правилами благоприличія и условіями свѣта. Если имъ особенно не занимаются, онъ не выказываетъ на то ни

малѣйшаго неудовольстія. Учится онъ съ утра до вечера. Въ случаѣ предложенія ему должности, мудрецъ (если сознаетъ въ себѣ достаточно способностей) принимаетъ ее и исполняетъ съ точностью. Почестей онъ не ищетъ, на сокровища не зарится: единое его сокровище, котораго онъ жаждетъ — мудрость; величайшая для него почесть — названіе мудреца. Ввѣряется онъ людямъ благонадежнымъ, бесѣдуетъ съ людьми прямодушными, предъ высшими не пресмыкается, предъ низшими не возносится, — съ первыми онъ почтителенъ, со вторыми привѣтливъ. Онъ каждому воздастъ должное. Приходится-ли ему выговаривать за ошибку или давать наставленія, онъ дѣлаетъ это съ крайнею осторожностью, не оскорбляя ничьего самолюбія. Людей умныхъ онъ уважаетъ, но похвалы ихъ не домогается: онъ предъ ними не унижается и не возносится. Исполняя во всемъ и всегда свой долгъ, онъ ничего не боится—въ своей вѣрности и правотѣ онъ находитъ вѣрную защиту отъ всякихъ нападокъ; законъ и правосудіе—его неизмѣнное оружіе. Любя всѣхъ людей, ему нечего бояться; самые тираны ему не страшны. Какъ-бы ни были обширны его познанія, онъ постоянно заботится объ ихъ умноженіи. Отличаясь безукоризненностью въ поведеніи, онъ всетаки неослабно наблюдаетъ за собою. Въ честности и добрѣ нѣтъ ничего маловажнаго. На службѣ мудрецъ строгъ, но одинаково ласковъ и привѣтливъ со всѣми, веселъ и всегда ровнаго нрава съ своими друзьями. Ему пріятнѣе общество мудрецовъ, но и немудрыми онъ не пренебрегаетъ. Въ семьѣ мудрецъ любитъ одинаково всѣхъ своихъ домашнихъ: любимцевъ у него нѣтъ. Если кто обидитъ мудреца словомъ или дѣломъ, онъ не выказываетъ ни гнѣва, ни раздраженія. Въ какомъ-бы состояніи ни былъ мудрецъ, онъ всячески старается быть полезнымъ отечеству или согражданамъ; оказавъ услугу, онъ ею не хвалится, но скромно и терпѣливо ждетъ воздаянія за нее. Если-же его обойдутъ наградой, онъ не ропщетъ и не жалуется. Похвала честныхъ людей, сознаніе, что онъ сдѣлалъ добро для добра—вотъ самыя лестныя для него награды. Если-же его взыщутъ почестями, онъ не гордится и не

прежнему доступенъ всѣмъ и каждому. Ему невѣдомы зависть, надменность, презрѣніе—онъ со всѣми живетъ въ согласіи. Послѣднее порождаетъ всеобщую къ нему благосклонность. Главный-же источникъ мудрости—любовь и состраданіе ко всему человѣчеству.

Таковъ былъ въ своей жизни и Конфуцій. Всѣ описанія его личности, сохранившіяся отъ его непосредственныхъ учениковъ, показываютъ, что философъ былъ справедливымъ, дѣятельнымъ, честнымъ, хладнокровнымъ и сдержаннымъ человѣкомъ. «Учитель, говорятъ они, былъ ровенъ, полонъ достоинства, почтителенъ и вѣжливъ, но съ сознаніемъ собственнаго достоинства и всегда спокоенъ. Въ личной жизни и бытѣ—умѣренъ и приличенъ. Не ѣлъ много, когда ѣлъ—не говорилъ, когда былъ въ постели тоже молчалъ; сидя въ колесницѣ, держался прямо... Будучи практикомъ въ жизни, Конфуцій является такимъ-же и въ своемъ ученіи. Всѣ его бесѣды и наставленія носятъ характеръ житейской мудрости и не возвышаются надъ обычными, естественными требованіями житейскаго обихода. Все его ученіе заключается въ слѣдующихъ трехъ правильныхъ отношеніяхъ: государя къ подданнымъ, отцовъ къ дѣтямъ, мужей къ женамъ и въ точномъ соблюденіи пяти верховныхъ добродѣтелей или обязанностей: человѣколюбіи, т. е. состраданіи ко всѣмъ намъ подобнымъ безъ различія, затѣмъ правосудіи или воздаяніи каждому должнаго безъ всякаго лицепріятія, повиновеніи дѣйствующимъ законамъ и соблюденіи установленныхъ обрядовъ господствующей религіи, правдолюбіи—т. е. неуклонномъ отвращеніи отъ всего ложнаго, и наконецъ вѣрности и честности всегда и во всемъ. Въ этихъ отношеніяхъ и добродѣтеляхъ Конфуцій видѣлъ счастье человѣческаго рода и обставивъ ихъ извѣстными церемоніями, создалъ свое ученіе о нравственности. Основнымъ принципомъ этой нравственности является отсутствіе увлеченій, равновѣсіе въ дѣятельности, сохраненіе и соблюденіе середины во всѣхъ поступкахъ— умѣренность и сдержанность всегда и во всемъ и какъ результатъ этого спокойствія, невозмутимость—вотъ нравственное совершенство,

къ которому долженъ стремиться мудрый. Человѣкъ во всемъ долженъ придерживаться середины: онъ не долженъ имѣть ни чрезмѣрной злобы, ни чрезмѣрной любви, не долженъ слишкомъ предаваться печали, ни восторгаться отъ радости. Однимъ словомъ въ немъ должно быть полнѣйшее отсутствіе крайностей и увлеченій — въ этомъ заключается основное правило личной нравственности. Тоже должно соблюдать и въ нравственныхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, т. е. стараться избѣгать причинять другимъ то, чего себѣ не желаешь, сохраняя такимъ образомъ и здѣсь гармонію. Всѣ остальныя нравственныя добродѣтели приводятся къ тому-же началу. Справедливость и честность, вѣрность себѣ и своему слову, искренность, какъ основа мирныхъ и добрыхъ отношеній въ общественной жизни и средство къ устраненію недоразумѣній, послушаніе и почтительность къ старшимъ, кротость, терпѣніе и наконецъ вѣжливость ко всѣмъ безъ исключенія непосредственно связаны съ началомъ середины или гармоніи. Эта сдержанность во всѣхъ душевныхъ проявленіяхъ разумѣется обусловливаетъ нѣкоторую сдержанность и въ чувственныхъ наслажденіяхъ.

Ученіе о серединѣ является стимуломъ, обусловливающимъ и охватывающимъ весь внѣшній быть народа, весь образъ его жизни, весь государственный строй, а также нравственное и духовное состояніе народа. Для того, чтобы укоренить это ученіе въ умѣ народа, Конфуцій создалъ цѣлый кодексъ обрядовъ или такъ-называемыхъ церемоній. Церемоніи являются сдерживающимъ началомъ—благодаря имъ человѣкъ знаетъ, какъ ему надо поступать въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и съумѣетъ вести себя прилично и съ достоинствомъ избѣгая разнаго рода столкновеній, ссоръ и брани. Конфуцій говорилъ, что церемоніи показываютъ связь неба съ землею, утверждаютъ порядокъ между людьми, что онѣ прирождены человѣку, а не составляютъ только искусственную внѣшнюю прикрасу его. Онъ училъ, что онѣ основаны на различіи вещей по ихъ низшему или высшему достоин-

ству, на замѣчающемся повсюду разнообразіи въ природѣ и что поэтому-то и введены различныя постановленія, касающіяся одежды, браковъ, похоронъ, жертвоприношеній, представленія ко двору, опредѣлены отношенія между государемъ и небомъ, государемъ и чиновниками его, отцомъ и дѣтьми, старшими и младшими, мужемъ и женой и наконецъ между друзьями.

И дѣйствительно, церемоніи введены во весь обиходъ китайской жизни—даже средства къ образованію самого себя, домашній и хозяйственный обиходъ, управленіе государствомъ, даже устроеніе вселенной не можетъ обойтись безъ церемоній. Однимъ словомъ въ церемоніяхъ заключается все ученіе Конфуція о морали, весь кодексъ его нравственныхъ правилъ. Въ нихъ заключается вся нравственная сторона человѣка—любовь, истина, мудрость, знаніе, честность, все въ нихъ предусмотрѣно и все ими обусловлено. Такимъ образомъ обрядность заступила мѣсто религіи и совершенно подавила идею о нравственности, основанной на свободномъ убѣжденіи человѣка въ необходимости добра. Любовь, добро, жертвы и проч. все разсматривается съ практической точки зрѣнія: человѣкъ долженъ любить ближнихъ, творить добро, приносить жертвы потому, что это ему полезно, такъ какъ и ему могутъ воздать тѣмъ-же.

Конфуцій имѣлъ въ виду вести людей къ истинному счастью, а счастье видѣлъ въ созданной имъ морали, которую онъ приводитъ къ одному основному закону—безграничному повиновенію дѣтей родителямъ, женъ мужьямъ и подданныхъ правительству и соблюденію умѣренности или средины во всѣхъ чувствахъ человѣка.

«Голосистая иволга находитъ себѣ убѣжище на краю утеса и знаетъ, гдѣ ей остановиться. Почему же человѣкъ не достигаетъ до птицы, говоритъ Конфуцій, т. е. почему человѣкъ не всегда придерживается средины въ своихъ дѣйствіяхъ».

На этомъ ученіи о срединѣ основывается и весь строй семейной и политической жизни Китая. Будучи сторонникомъ демократическихъ началъ и неограниченной власти государя,

тѣмъ не менѣе онъ ограничивалъ послѣднюю своимъ ученіемъ о серединѣ; по его мнѣнію, «противиться государю можно только при чрезмѣрныхъ требованіяхъ; довольствующемуся малымъ легко и повиноваться». Умѣренность рекомендуется имъ правителямъ.

Такимъ образомъ въ своемъ ученіи Конфуцій является возстановителемъ и преобразователемъ древней морали, но не религіознымъ реформаторомъ. Онъ вообще мало говорилъ о вещахъ, касающихся религіи; онъ нашелъ религію уже развитою и не находилъ нужнымъ или просто избѣгалъ говорить о ней, не желая разсуждать о томъ, что выше дѣйствительности и осязаемости. Тѣмъ не менѣе онъ старательно поддерживалъ всѣ древніе религіозные обряды, хотя на вопросы о значеніи или сущности ихъ, онъ отвѣчалъ уклончиво или темно. Напримѣръ, онъ старался сохранить въ народѣ почитаніе духовъ, представителей отдѣльныхъ силъ и явленій природы, которые, по его словамъ, будучи очень многочисленны, находятся невидимо въ тѣлѣ каждой твари и, подобно разливающейся водѣ, носятся надъ головами справа и слѣва. Обычай поклоненія предкамъ также признавался Конфуціемъ, какъ это мы знаемъ изъ словъ, произнесенныхъ имъ при погребеніи матери. Вообще, на эти поклоненія духамъ природы и душамъ умершихъ Конфуцій смотрѣлъ какъ на обычаи, полезные для массы народа съ нравственной стороны и, на скептическій вопросъ одного изъ учениковъ относительно значенія приносимыхъ въ жертву духамъ овецъ, сказалъ:

— Вы жалѣете овецъ, а я желалъ бы сохранить обрядъ!

Спрошенный въ другой разъ о томъ, что значатъ жертвоприношенія предкамъ вмѣстѣ съ жертвоприношеніями небу, онъ сказалъ: «небо—всемірное начало и животворный источникъ бытія. Предки же наши—источникъ нашего бытія и послѣдующихъ поколѣній. Благодарить небо—первый долгъ человѣка, второй долгъ его быть признательнымъ къ своимъ праотцамъ. Поклоняясь небу, мы поклоняемся предкамъ!»

Въ вопросахъ о безсмертіи Конфуцій прямо уже умалчиваетъ. Разъ одинъ изъ учениковъ сказалъ: «учитель, я хотѣлъ бы

спросить о смерти и о состояніи послѣ смерти?» Конфуцій ему отвѣтилъ: «если вы не знаете жизни, то какъ можете знать о смерти». Даже передъ смертью онъ грустить только о бренности и непрочности человѣческой славы, о скоротечности жизни, но не высказалъ ни одного слова опасенія или смущенія ввиду неизвѣстности будущаго или о томъ, куда онъ ид т ъ. Здѣсь высказался въ Конфуціи чистокровный китаецъ—выдающаяся черта характера этого народа есть его поразительное равнодушіе къ жизни. *) На вопросъ о состояніи умершихъ предковъ на томъ свѣтѣ и о томъ, какъ служить духамъ умершихъ, Конфуцій также отвѣчалъ уклончиво: «если мы не можемъ хорошо служить живымъ, то какъ мы можемъ служить умершимъ?» Какъ намъ извѣстно, тѣмъ не менѣе, самъ онъ строго исполнялъ всѣ обряды, чтобы своимъ примѣромъ побудить и другихъ къ тому же, имѣя въ виду развить уваженіе къ предкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ завѣщаннымъ ими началамъ жизни. Съ этой цѣлью онъ требуетъ, чтобы къ предкамъ относились такъ-же, какъ къ живымъ лицамъ, хотя и не вѣритъ въ ихъ дѣйствительное существованіе. Когда его спросили, что значитъ приношеніе пищи въ жертву предкамъ и развѣ могутъ усопшіе употреблять ее, Конфуцій отвѣчалъ: «ни въ какомъ случаѣ; но это дѣлается для того, чтобъ мы привыкли относиться къ предкамъ съ почтеніемъ, какъ бы къ живымъ». Тотъ же чисто житейскій расчетъ и практическій смыслъ характеризуютъ отвѣтъ, данный Конфуціемъ на вопросъ, знаютъ ли предки о томъ, что дѣлаютъ ихъ потомки, видятъ ли они ихъ, слышатъ ли?—«Трудно сказать на это что либо опредѣленное, отвѣчалъ Конфуцій. Если я скажу, что предки чувствуютъ почтеніе, оказываемое имъ ихъ потомками, что они знаютъ, что дѣлается на землѣ, то исполненныя дѣтской любви сердца живыхъ отдадутся исключительно служенію усопшимъ и будутъ невнимательны къ своей собственной жизни; наоборотъ, если я скажу, что предки

*) Арх. Хрисанѳъ говоритъ, что китайцы имѣютъ обыкновеніе еще при жизни заказывать себѣ гробы.

не знаютъ о жизни своихъ потомковъ, то ослабѣетъ усердіе къ почтенію ихъ памяти и священный союзъ живыхъ съ усопшими потеряетъ цѣну. Продолжайте, не разсуждая, почитать память предковъ и представлять ихъ свидѣтелями нашихъ поступковъ. Это самое лучшее».

Однимъ словомъ Конфуцій признавалъ разнаго рода религіозные обряды и находилъ въ нихъ смыслъ только какъ въ средствѣ дать покой государству, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и благосостояніе народу. Выше этого онъ не поднимался и какъ истый китаецъ, не признающій никакихъ откровеній и не вѣрующій ни во что чудесное и сверхъестественное, онъ смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія практической пользы. Такимъ образомъ Конфуцій является практическимъ философомъ—моралистомъ, утилитаристомъ. Его ученіе вполнѣ совпало съ народнымъ характеромъ и народными воззрѣніями китайцевъ, и это-то дало ему ту силу и то вліяніе, какими оно пользуется въ Китаѣ и по нынѣ.

КОНЕЦЪ

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна **1** р. **25** к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. **1** р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. **1** р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. **1** р. **50** к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. **1** р. **50** к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Ц. **1** р. **50** к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. **1** р. **75** к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна **30** к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. **30** к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. **1** р. **25** к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна **1** р. **25** к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. **2** р. **50** к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколева. Ц. **30** к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. **25** к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. **1** р. **50** к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. **75** к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. **2** р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. **2** р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. **1** р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. **1** р. **50** к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. **50** к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. **1** р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. **2** р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. **75** к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. **10** к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. **80** к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. **60** к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. **50** к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. **2** р. **50** к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. **3** р. **50** к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. **75** к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками 2 тома. Цѣна за оба **2** р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. **2** р. **50** к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. **2** р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ Д. Селоменса. Перев. съ англійс. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. **1** р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмадингена. Ц. **60** к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. **1** р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. **60** к.